

РЖАВЫЙ

ПОД ЕГО КОНТРОЛЕМ

Елена Смирнова

18+

Елена Смелина

Ржавый. Под его контролем

<https://litres.ru/74440564>

SelfPub; 2026

Аннотация

Я хотела заработать на его тайнах.

Он решил сделать меня своей.

Когда он сказал «беги», я не понимала, что это не спасение, а приглашение.

Теперь я добыча.

Только вот хищник не учёл одного:

я умею кусаться.

Криминальная интрига. Властный герой. Холодные взгляды и горячие ставки.

#Книга относится к циклу Отец парня, рассказывает историю Ржавого и журналистки Тони. Можно читать отдельно.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	19
Глава 5	25
Глава 6	30
Глава 7	38
Глава 8	44
Глава 9	49
Глава 10	56
Глава 11	62
Глава 12	69
Глава 13	75
Глава 14	83
Глава 15	90
Глава 16	95
Глава 17	101
Глава 18	107
Глава 19	112
Глава 20	118
Конец ознакомительного фрагмента.	125

Елена Смелина

Ржавый. Под его контролем

Глава 1

До двенадцати остается совсем чуть-чуть, а мой заказ так и не появился.

А ведь я последние деньги за вход отдала. Неужели зря?!

Сжимаю телефон крепче, на экране его фотография. Сразу видно: еще тот мерзавец. Наверняка гуляет от жены, иначе зачем заказчику компромат на такого.

Музыка орет. Свет режет глаза, мешая всматриваться в публику. Жарко, тесно. И зачем только я взялась за этот чертов заказ.

Плохая идея. С самого начала знала, что плохая, и все равно согласилась.

Деньги на оплату аренды нужны срочно, а издательство в этом месяце не купило ни одной моей статьи.

Рядом устраивается разгоряченная парочка, напрочь закрывая мне обзор. Я делаю шаг вбок, плотнее прижимаюсь к стойке бара и ощущаю на себе масляный взгляд.

Конкретный. Тяжелый.

Детина разваливается рядом, здоровый, мордастый, уже подшофе. Стакан еле держит, а все туда же. Смотрит, будто я товар на витрине.

— Привет!

Чуть ли не наваливается на меня.

— Выпьешь? — тянет с похабной ухмылкой.

— Спасибо. Я не пью.

Говорю холодно. Без улыбки. Обычно этого хватает.

Но этот не отходит. Тянется ближе. Перегар ударяет мне в нос.

— Да брось, — усмехается. — Расслабься.

Надо же было ему прицепиться именно ко мне. Отступаю на полшага и упираюсь спиной в барную стойку.

Холодно. Еще и платье вверх ползет. Одергиваю.

И ведь на подруге смотрится отлично. Маринка, правда, ростом ниже, зато одежду иногда дает.

— Я сказала нет, — повторяю уверенно.

Он усмехается, будто это игра. Сканирует меня медленно. С такой ухмылкой, что еле сдерживаю отвращение.

Выскальзываю в толпу. Не оглядываюсь. Теряюсь среди извивающихся тел на танцполе. Растерянно смотрю на часы.

До закрытия метро еще есть время, но оно тает быстрее, чем бы мне хотелось.

И тут я наконец вижу его.

ВИП-зона. Полупрозрачное стекло, мягкий свет. Он входит, небрежно кивая охране, рядом какой-то подозритель-

ный тип, с ними две полуодетые девицы. Смеются. Мужчины кладет руку на одну из них. Ровно то, что нужно. Жалко только, что второй тоже попадает в кадр, а мне он совсем ни к чему.

Я проверяю телефон. Камера. Без вспышки.

Работа.

Двигаюсь вдоль стены, будто просто ищу место. Сливаюсь с толпой. Делаю вид, что высматриваю знакомых. Сердце бьется ровно.

На журфаке такому не учат, но я умею.

Кадр.

Еще.

Другой угол.

Лицо. Рука. Бокал. Девочки.

И тут он неожиданно поднимает глаза. Впивается темным взглядом.

По спине пробегает холодок.

Заметил? Не может быть.

Я прячу телефон в сумку и быстрее отступаю. Заказ есть. Можно уходить. Прямо сейчас.

И тут снова появляется детина.

— Эй, — он сует мне в руку коктейль.

Я не успеваю отреагировать. Он делает шаг, задевает меня плечом — и сладкая розовая жидкость льется по платью.

— Черт! — вырывается у меня.

Платье липкое. Пятно расплзается. Кто-то смеется. Я

чувствую, как в груди поднимается злость — резкая, горячая.

— Осторожнее надо, — говорит он и ухмыляется.

Мне хочется ему врезать. Вместо этого я разворачиваюсь и иду в туалет. Быстро. Не оглядываясь.

В туалете ярко и пахнет химией. Я подставляю платье под воду, тру ткань ладонями. Пятно светлеет.

Руки все еще дрожат от злости или напряжения. Ну, хоть пятно почти сошло.

Заказ готов. Все. Я ухожу.

Промокаю лицо салфеткой, поправляю волосы и иду к выходу. Мысль одна: выйти. На воздух. Подальше отсюда.

Толкаю дверь, тороплюсь, чтобы успеть на метро, и почти врезаюсь в мужчину.

Поднимаю глаза: надо мной нависает мой заказ.

Сердце колотится. На секунду зависаю.

Опускаю взгляд и делаю шаг в сторону. Почти выбираюсь в шумный зал. Но мне не везет.

Преграждает путь все тот же детина. Маячит передо мной, что-то бурчит, больно хватает за плечо. Я вскрикиваю, не успеваю увернуться.

— Проблемы? — раздается рядом низкий голос.

— Эта девка мне задолжала, — хрюкает нахал, дергая меня к себе.

Не успеваю ничего ответить.

— Простите, — неожиданно тонко выдает тот и разжима-

ет пальцы, сжимающие мое плечо. — Обознался.

С удивлением смотрю ему вслед и пропускаю момент, когда мой заказ подходит слишком близко.

— Пойдем, — говорит он тоном, от которого начинают трястись поджилки.

Поднимаю голову, изумленно распахнув глаза.

— Куда? — вылетает глупое.

Он не отвечает. Берет меня за локоть и несильно, но настойчиво тянет за собой.

Шаг у него широкий, уверенный. Ладонь такая, что одним махом голову свернет.

Включаю дурочку, пробую его уболтать.

— Я вам так признательна за спасение, — лепечу тонким, кокетливым голосом. — Если бы не вы, не знаю, что бы и делала. Давайте я вас отблагодарю. Поставлю выпивку.

Он на секунду поворачивает ко мне голову, прищуривается.

— Отблаговаришь, значит? — бросает коротко.

— Да, — подтверждаю я радостно, хотя и так очевидно, что этого добра у него и так хватает. — Вы что предпочитаете?

— Жестко я предпочитаю, и когда баба не болтает лишнего, — отрезает и тащит меня в сторону закрытых кабинетов.

Что-то мне это уже совсем не нравится.

— Простите, вы конечно классный, но я с вами пойти не могу, — оглядываясь по сторонам в поисках спасения, при-

думываю я на ходу. — Меня парень ждёт.

— Подождет, — отрезает он, даже не глядя в мою сторону.

— Куда вы меня ведете? — наконец не выдерживаю я.

— Развлекаться будем, — холодно сообщает он, утягивая меня в темный коридор. — Ты же за этим в клуб пришла. Вот и не напрягайся.

Глава 2

Дверь за моей спиной захлопывается с глухим стуком.

Комната полупустая. С огромной кроватью в центре, без окон, но с душевой. Два кресла и журнальный столик не вводят в заблуждение. Сюда приходят не разговоры вести.

Я успеваю сделать шаг, второй — и оказываюсь прижатой к прохладной стене.

Он не толкает. Просто становится слишком близко.

Смотрит на меня внимательно, словно кот на обнаглевшую мышь.

— Раздевайся, — говорит.

Низко. Без нажима.

— Вы... — пытаюсь начать и отползаю в сторону двери.
— Не имеете права.

Он наклоняется ближе. Не касается. Но его ладонь упирается в стену рядом с моим плечом, отрезая путь к отступлению. От него пахнет дорогим табаком и чем-то мужским, теплым. Дыхание спокойное. Мое — нет.

— Ты решила, что можешь прийти в мой клуб и безнаказанно устроить слежку? — выдает он, приподнимая бровь.

Кровь стучит в висках. Значит, заметил.

— Это ошибка, — выдыхаю я. — Я просто...

— Снимала, — заканчивает он.

Его взгляд скользит по моему лицу медленно. Не злой. Не

раздраженный. Хищный.

— Телефон, — требует он.

Я чувствую, как горят щеки — не от стыда. Оттого что он смотрит так, будто раздевает глазами.

Достаю телефон из сумки и сжимаю в ладони. Он не вырывает его. Просто ждет.

Я сдаюсь первой. Протягиваю аппарат дрожащими руками.

Он пролистывает фото быстро. Удаляет без суеты. Экран гаснет. Возвращает телефон мне.

— Кто заказчик? — спрашивает низко.

— Я для себя, — срывается с губ, прежде чем я успеваю что-то придумать.

Он делает шаг ближе.

Теперь между нами почти нет воздуха.

— То есть заказчика не сдаешь, — произносит с насмешкой.

Его пальцы вдруг касаются моего подбородка. Легко. Но я замираю.

— В глаза смотри, — добавляет он.

Я поднимаю взгляд.

Ошибка.

В его глазах нет ни капли смущения. Только гнев. И еще что-то, отчего внутри все переворачивается.

Большой палец скользит по моей щеке. Весомо. По-собственнически. От этого касания по позвоночнику прокаты-

вается горячая волна.

Ненавижу реакцию своего тела.

— Уберите руки, — шепчу я.

— Удиви меня, — отвечает он, — Расскажи, на кого работаешь. И я поверю, что тебе это не по вкусу.

Он наклоняется, его губы почти касаются моей щеки. Я чувствую на коже тепло его дыхания. И вдруг он отступает к двери.

Щелчок замка заставляет все сжаться внутри.

— Ты же за этим пришла, — произносит он медленно. — Так в чем же дело.

— Вы слишком много о себе думаете, — пытаюсь сохранить язвительность, но выходит слабее, чем хотелось бы.

Он не останавливается, только заглядывает мне в лицо.

— Нет, — спокойно говорит и снова приближается ко мне. — Я думаю о тебе.

И это звучит хуже любой угрозы.

Его ладонь спускается на мою талию. Пальцы уверенные, тяжелые. Он не сжимает — просто держит. Как будто проверяет, поместится ли.

Я пытаюсь оттолкнуть его. Смешная попытка.

Он перехватывает мои запястья одной рукой и поднимает их над моей головой. Легко. Без усилий.

Сердце грохочет так, что, кажется, он слышит.

— Отпустите, — выдыхаю я.

— Скажи, что не хочешь, — тихо предлагает он.

Я открываю рот.

Сказать легко.

Но тело предательски дрожит не только от страха.

Он замечает. Конечно, замечает.

— Вот и я о том же, — почти шепчет он.

Его губы скользят по моей скуле — не поцелуй, а касание.

Проверка границы.

Я дергаюсь.

— Это не значит, что я согласна, — говорю резко.

Он замирает. Смотрит.

Пауза тянется слишком долго.

Потом он отпускает мои руки.

Резко. Без предупреждения.

Я едва удерживаюсь на ногах.

— У тебя характер, — говорит он. — Это хорошо. Мне нравятся дерзкие. Но не испытывай слишком долго мое терпение.

Он отступает на шаг, давая мне воздух. Но взгляд остается тем же — цепким.

— Впечатли меня своими умениями, — произносит он.

— Если мне понравится, позволю тебе уйти безнаказанно.

— А если нет? — спрашиваю я, стараясь звучать твердо.

Он подходит снова. Почти касается губами моих.

— Не советую проверять, — отвечает спокойно.

Глава 3

Его губы почти касаются моих. Я чувствую тепло дыхания, медленный выдох. Крупная ладонь скользит ниже по талии, изучает линию бедер. Пальцы тяжелые, уверенные. Не рвут. Не спешат.

— Вы забываетесь, — выдыхаю я, хотя голос предательски садится.

— Нет, — тихо отвечает он. — Я как раз все помню.

Его рука поднимается выше, к моей спине. Он прижимает меня к себе, и я чувствую, какой он горячий. Везде. Тело реагирует быстрее головы. Ненавижу это.

— Отпустите, — повторяю уже не так уверенно.

— Скажи, что тебе противно, — почти шепотом. — И я поверю.

Он наклоняется, его губы скользят по моей щеке — медленно, словно лениво. Не поцелуй. Проверка.

Я сжимаю зубы.

— Мне противно, — цежу, сама себе не веря.

Он замирает. Секунда. Две.

И вдруг усмехается.

— Врешь.

Его пальцы сжимают мои запястья и поднимают над головой. Легко. Будто я ничего не вешу. Стена холодит спину. Его тело прижато ко мне.

Сердце грохочет так неистово, что, кажется, его слышно в коридоре.

— Ты слишком громко дышишь, — замечает он.

Я злюсь. На него. На себя. На эту реакцию.

Он наклоняется еще ближе, почти касаясь губами моих губ.

И в этот момент — глухой стук.

Раз.

Пауза.

Еще раз.

— Степан.

Голос за дверью спокойный. Без паники. Без объяснений.

Он не отпускает меня сразу.

Его взгляд остается на моих губах.

Потом медленно обращается к двери.

Секунда тянется слишком долго.

Он разжимает пальцы.

Отходит на шаг.

Я едва удерживаюсь на ногах.

Он не спешит. Подходит к двери, открывает ее на полкорпуса. Я не вижу, кто стоит в коридоре, только силуэт мужчины в темном костюме.

Тихий обмен фразами. Почти шепотом.

— Сейчас, — коротко отвечает он.

Закрывает дверь не до конца. Поворачивается ко мне.

Взгляд — спокойный. Почти насмешливый.

— Давай, — произносит он негромко.

Я не понимаю.

Он чуть наклоняет голову.

— Посмотрим, как далеко ты убежишь.

Он произносит это спокойно. Без угрозы.

И именно это пугает сильнее всего.

Не задаю лишних вопросов.

Секунда — и я уже хватаю сумку. Дверь приоткрыта. В коридоре стоит мужчина в темном костюме, спиной ко мне. Он что-то тихо говорит Степану, не оборачиваясь.

Никто не держит меня, не преграждает путь.

Я выскальзываю в коридор, стараясь не стучать каблуками. Сердце в горле. Воздуха мало. Свет слишком яркий.

Не беги к главному выходу.

Мысль вспыхивает резко, отчетливо.

Главный вход — охрана, камеры, люди. Он хозяин клуба. Там меня поймают за секунды.

Я сворачиваю в противоположную сторону. Туда, где полутемно и пахнет хлоркой. Служебная зона. Видела ее раньше, когда шла в туалет.

Шаги гулко отдаются в узком проходе. Я скидываю туфли, хватаю их в руку. Бежать на каблуках — глупость.

Лестница вниз. Узкая. Металлические перила холодят ладонь. Снизу тянет ночным воздухом.

Он не бежит.

Эта мысль вдруг бьет сильнее всего.

Если бы хотел — догнал бы. За секунды.

Я толкаю дверь на улицу. Холодный воздух ударяет в лицо. Шум города оглушает после плотной тишины комнаты.

Я бегу.

Через двор, мимо мусорных баков, к арке, к освещенной улице. Только там позволяю себе замедлиться.

Останавливаюсь.

Сердце колотится так, будто хочет вырваться наружу.

Я оборачиваюсь.

Никого.

Ни шагов. Ни криков. Ни охраны.

Он не преследует.

И от этого внутри становится еще холоднее.

Почему?

Я сбежала.

Разве нет?

Пальцы дрожат, когда я проверяю телефон. Экран загора-
ется. Никаких новых сообщений.

Пока.

В памяти всплывает его взгляд. Спокойный. Уверенный.

«Посмотрим, как далеко ты убежишь».

Не «если». Не «попробуй».

Он уверен, что догонит.

Я заставляю себя идти. Не бежать. Просто идти, растворяясь в потоке людей на проспекте.

Но ощущение не проходит.

Будто где-то, за стеклом машины или из тени подворотни,
за мной уже наблюдают.

Я не выиграла.

Я просто сделала первый ход.

И, кажется, не самый умный.

Глава 4

— Ты живая? — Маринка встречает меня на кухне. Мое вчерашнее платье держит двумя пальцами, какдохлую рыбу.
— Я думала, ты там в этом «Ониксе» зависнешь до утра.

Я моргаю, пытаюсь собрать голову в одно целое. Во рту сухо, в висках стучит.

— Прости, — выдавливаю я. — Я... испачкала.

— «Испачкала», — она фыркает и показывает на бледное розовое пятно. — Скажи честно: было круто? Клуб топ? И...
— Маринка делает лицо заговорщицы. — Ну? Кого-нибудь классного встретила?

Я на секунду замираю с чашкой в руках.

Классного.

Перед глазами: широкие плечи, острый взгляд, от которого холодеет внутри, и фраза, где нет вопроса: «Посмотрим, как далеко ты убежишь».

Я сглатываю.

— Никого, — отвечаю быстро.

Маринка прищуривается.

— Да ладно, — тянет она. — А чего ты такая... как будто тебя на экзамен тащили.

Я ставлю чашку в раковину резче, чем надо.

— Мне в универ. И... спасибо за платье. Я постираю.

— Постираешь, — Маринка пожимает плечами. — Толь-

ко в следующий раз бери свое. И да, Тонь... — она уже уходит, но оборачивается. — Если встретила кого-то «классного», не забудь про подругу. Может, у него такие же приятели есть.

Я остаюсь одна и почти верю, что ночью ничего не было. Быстро натягиваю привычные джинсы и выскакиваю на улицу. Там серо, мокро, люди злые и сонные.

В университете шум, суета. Обычная жизнь.

Телефон вибрирует, когда я поднимаюсь по лестнице. На экране — имя, под которым у меня записано «Агент». На самом деле Даниил не агент. Он не носит плащ и не встречается в подземных переходах. Просто человек, который умеет доставать информацию, продавать ее и не светиться там, где не нужно. Человек, через которого приходят заказы. И деньги.

Я замираю на ступеньке.

Не отвечать.

Сделать вид, что не слышала.

Перезвоню позже. Скажу, что была на парах. В метро. Без связи.

Телефон вибрирует снова.

Он не из тех, кто звонит просто так.

Я выдыхаю и принимаю вызов.

— Да, — стараюсь, чтобы голос звучал ровно.

Несколько секунд тишины.

— Где материал, Тоня? — без приветствий.

Вот и все.

— Не вышло, — отвечаю я.

Пауза становится плотной.

— Что значит «не вышло»?

— Он меня заметил. Фотографий нет.

Даниил не вздыхает. Не повышает голос.

— Клиент ждал результат к утру, — спокойно произносит он. — Мне нечего ему отправлять.

Я смотрю в окно лестничной клетки, на серый двор внизу.

— Я знаю.

— Соответственно, оплаты не будет.

Это я тоже знаю.

— Я могу попробовать еще раз, — предлагаю, хотя понимаю, что это слабая идея.

— Нет, — отрезает он. — После того как тебя засекли, возвращаться — глупость. Ты не новичок.

Слова не злые, но обидные.

— И что теперь? — спрашиваю я.

Короткая пауза.

— Есть вариант закрыть минус.

Я напрягаюсь.

— Какой?

— Сегодня вечером в «Лайме» молодой Савин встречается с Баратовым. Неформальная встреча. Без прессы.

Имена цепляют сильнее, чем хотелось бы.

— Компромат? — уточняю автоматически.

— Нет. Выйди, спровоцируй, посмотри реакцию. И это бесплатно, Тоня.

Я невольно усмехаюсь.

— Бесплатно?

— Да. Ты съездишь, позадаешь вопросы и все. Мне нужно понимать, что ты не сливаешься после первого провала.

Это уже не предложение.

— То есть отработка? — уточняю я.

— Назови как хочешь. Но если и сегодня не справишься, я подумаю, стоит ли тебя дальше подключать к заказам.

Я молчу всего секунду.

— Скинь время и адрес, — наконец соглашаюсь я.

В трубке слышится тихий выдох.

— В восемь. Я пришлю ориентиры.

Связь обрывается, а на душе становится неожиданно противно.

«Лайм» — ресторан с вылизанными стеклами и такими ценами, что я даже думать боюсь. Стою в тени соседнего дома, прячу руки в карманах и смотрю на вход.

Я не должна нервничать. Это не первый заказ. Я умею ждать, ловить момент, задавать вопросы.

Но сегодня все иначе. Внутри кипит. Холодное и злое. Глупо. Непрофессионально. И все из-за вчерашнего нахала. Так и крутится у меня в голове со своей самоуверенной ухмылкой.

Сергей Савин выходит первым. Молодой, дорогой, уве-

ренный. Телефон в руке, на лице раздражение. За ним никого. Значит, Баратов остался внутри или ушел через другой вход.

Черт.

Подхожу к нему аккуратно, без лишнего шума.

— Сергей Романович? Можно пару вопросов? — спрашиваю уверенным тоном. — Это правда, что ваш отец хотел прекратить любые отношения с Баратовым, а вы готовы заключить мир?

В первый момент он теряется, окидывает меня злобным взглядом, но уже в следующую минуту приходит в себя.

— Любая информация только через моих юристов, — отвечает резко и садится в машину.

Автомобиль трогается.

Мне его не догнать, да этого и не требуется. Свою работу я выполнила. Он напрягся.

Разворачиваюсь, чтобы уйти, делаю всего пару шагов, когда появляется неприятное ощущение.

То самое. Будто спину прошивают взглядом.

Я останавливаюсь.

Сердце начинает биться быстрее, хотя разум упрямо твердит, что это паранойя.

Медленно поворачиваю голову.

Он стоит у черной машины через дорогу.

Опирается плечом о капот. Руки в карманах. Свет фонаря падает на его лицо так, что глаза кажутся темнее.

Мой вчерашний заказ.

Глава 5

Он стоит через дорогу, опираясь бедром о машину. Руки в карманах, взгляд спокойный, тяжелый. Смотрит прямо на меня.

Внутри что-то неприятно обрывается.

Следил?

Нет. Я бы заметила. Я же не идиотка.

Знал, где я буду? Не мог. Я сама получила адрес только час назад.

Но он смотрит слишком уверенно для случайности.

Я отворачиваюсь первой. Сердце начинает колотиться, но я заставляю себя идти ровно. Не бежать. Не показывать, что заметила его.

Если продолжит слежку — я пойму.

Спускаюсь в метро. Меняю линию. Выхожу не на своей станции. Бреду медленно, всматриваясь в окна проезжающих авто, равнодушные лица, витрины киосков. Никакой черной машины и широкой фигуры за спиной.

Если бы хотел догнать — догнал бы.

Мысль холодная, как плитка под ногами.

Выхожу ближе к дому. Небо низкое, влажное. Двор почти пустой. Привычные скамейки, обычные тротуары. Моя жизнь.

Я позволяю себе выдохнуть. С облегчением поправляю

рюкзак на плече.

Подхожу к подъезду, достаю ключи и тут слышу звук тормозов за спиной. Руки дрожат, я едва не роняю связку в лужу.

— Что-то ты долго.

Голос звучит спокойно. Почти лениво.

Я не вздрагиваю. Не позволяю себе. Просто медленно оборачиваюсь.

Он стоит у машины. В двух шагах. Будто всегда там был.

— Метро сегодня переполнено? — добавляет все тем же небрежным тоном.

Холод прокатывает по спине.

Он знал.

Не следил. Но был уверен, что я все равно вернусь домой. Значит, уже знал, где я живу.

— Отойдите, — произношу ровно, хотя внутри меня трясет.

Я не обязана с ним разговаривать. Не обязана бояться. Это мой дом.

Делаю шаг к подъезду.

Он перехватывает за запястье.

Не дергает. Просто фиксирует.

— Я спешу, — вырываю руку, но он уже делает шаг ближе.

Одно движение — и я прижата спиной к холодной двери машины. Металл неприятно прикасается через ткань блузки.

Он не наваливается. Не давит всем весом.

Просто стоит слишком близко.

Настолько, что я чувствую тепло его тела сквозь одежду.

— Я предупреждал, — произносит он тихо.

— Вы ни о чем не предупреждали, — отвечаю я, хотя голос выходит хриплым.

Он смотрит на меня сверху вниз. Спокойно, но взгляд темнеет.

Внутри все предательски скручивается.

Я должна закричать. Позвать на помощь. Попробовать ударить его.

А вместо этого рассматриваю его глаза. Темные, почти черные, со светлыми крапинками.

Его взгляд опускается к вороту моей блузки, туда, где от волнения вздымается грудь.

Медленно.

Он касается ткани. Не кожи.

Пальцы скользят по пуговице.

Я замираю.

— Не смейте, — шепчу.

Он поднимает взгляд на мое лицо.

И только потом — расстегивает одну пуговицу.

Неторопливо.

Будто у нас есть время.

Холодный воздух касается кожи. Я ощущаю это слишком остро.

— Я закричу, — выдыхаю.

Он усмехается.

Не отстраняется.

Наклоняется ближе.

Его губы почти касаются моих. Я чувствую его дыхание — ровное, спокойное. Мое сбивается. Рефлекторно приоткрываю губы, чтобы вдохнуть.

Мне страшно.

И вместе с тем тело предательски реагирует на близость. На запах. На тепло.

Я должна его ненавидеть, но считаю миллиметры до его губ.

Почему он не целует?

— Ты опять лезешь туда, где тебя раздавят, — произносит он тихо, опалая мои губы горячим дыханием. — Я предупреждал.

Я пытаюсь отвернуться, но его пальцы ложатся на мой подбородок.

Не сжимают. Просто удерживают.

— Еще раз увижу тебя рядом с ними... — он делает паузу. — Перестану быть таким терпеливым.

Сердце грохочет.

Это угроза.

Но в его голосе нет ярости. Только уверенность.

И что-то еще.

Он замирает в миллиметре от поцелуя.

Почти представляю его губы на вкус, и по телу растекается

жар.

И вдруг он отстраняется.

Воздух становится холодным и пустым.

Проводит большим пальцем по краю расстегнутой блузки, будто запоминает.

— Иди домой, — произносит спокойно.

Делает шаг назад.

Я стою, не двигаясь, пока он обходит машину. Открывает дверь. Садится.

Двигатель заводится тихо.

Машина уезжает.

Я остаюсь у подъезда.

Колени подкашиваются только теперь.

Он мог поцеловать. Продолжить.

Мог сделать хуже.

Но не сделал.

Почему? Это сводит с ума.

Поднимаюсь по лестнице, ощущая на коже его дыхание, будто он все еще рядом.

В квартире тихо. Я закрываю дверь, прислоняюсь к ней спиной.

Я не трусиха, но больше я к нему не полезу, ни за какие деньги мира. Никогда. Обещаю себе.

Глава 6

Дверь за мной закрывается. В квартире пусто. Маринки нет. Ни света, ни музыки, ни вопросов. Только я и слишком свежие воспоминания.

Снимаю куртку, бросаю рюкзак на стул и пару секунд просто стою, прислушиваясь к себе.

Сердце уже не колотится как сумасшедшее. Просто стучит. Ровно. Как будто пытается убедить меня, что все закончилось.

Я иду в ванную, включаю свет и тут же морщусь — ярко. В зеркале лицо бледное, губы сухие, под глазами тени. Наклоняюсь к раковине, открываю воду, брызгаю в лицо. Холод немного отрезвляет.

Опускаю взгляд на блузку.

Одна пуговица расстегнута, ткань вытянута там, где он касался. Я поправляю ворот — пальцы дрожат.

Кожа до сих пор помнит его прикосновение.

«Я предупреждал».

Голос всплывает слишком отчетливо. Низкий. Спокойный. Уверенный.

Воздуха не хватает. Внутри все еще тот момент — миллиметр до поцелуя. Его дыхание. И резкая пустота, когда он отстранился.

Я злюсь.

На него — за самоуверенность.

Но больше на себя — за то, что считала миллиметры.

И на этот чертов заказ.

Потому что чем больше я обдумываю случившееся, тем меньше верю в собственную версию «жена заказала компромат». Это было удобно. Простая история. Понятный мотив. И именно поэтому я за нее держалась.

Если у него есть жена — тогда все объяснимо.

Но если нет?

Я тянусь к ноутбуку.

Интернет грузится медленно, будто издевается. Я набираю в поиске название клуба, несколько вариантов имен, которые слышала из разговора охраны, листаю страницы. Фотографии, статьи, какие-то светские заметки, упоминания в бизнес-новостях.

Фотографий много.

Слишком много для человека, который якобы скрывается.

Он на открытии ресторана, он на благотворительном вечере, он с партнерами, он с девушками. С разными. Кого-то я даже узнаю — мелькали в рекламе нижнего белья или клипах. Чувствую в груди неприятный укол.

Кликаю дальше, раздраженно, все быстрее.

Ни одной подписи «жена». Ни одной новости «скандал». Ни одного «тайная личная жизнь». Ноль.

Зато «Оникс» светится везде: как будто это не закрытый

клуб, а визитная карточка.

Я закрываю ноутбук резче, чем собиралась.

Значит, дело было не в том, что он «гуляет».

Зачем кому-то были нужны именно мои кадры из клуба?

И почему он так вцепился в меня из-за них?

Если он не боится камер и публичности, то что на этих фотографиях могло быть опасным?

Ответ неприятно очевиден.

Не он.

Кто-то рядом.

Я вспоминаю кадр, который успела увидеть перед тем, как он забрал телефон. Ржавый, девушки... и еще один мужчина. Вроде бы фон. Вроде бы «просто идет».

Но память подсовывает уверенную осанку. Как он наклонился к Ржавому. Как будто не просил внимания — получал его по праву.

Мне нужна не догадка. Мне нужны факты.

И тут я вспоминаю Мишку.

Двоюродный брат. Наш семейный «гений». Человек, который может не отвечать на сообщения неделю, но если попросить о чем-то, где есть провода и цифры, — включается мгновенно. Он всегда немного не здесь, вечно в каких-то своих схемах, но у него есть полезное качество: он не задает вопросов, пока не закончит работу.

Я набираю номер.

Он отвечает не сразу.

— Чего? — голос сонный и недовольный.

— Миш, можно восстановить удаленные фото?

Пауза.

— Откуда?

— С телефона.

— Как удалили?

— Просто удалили. Не форматировали.

Еще пауза, уже более живая.

— Шанс есть. Приезжай.

— Сейчас?

— Если тебе надо — сейчас.

Я бросаю взгляд на часы. Поздно. Нормальные люди в это время спят. Но у Мишки свой режим, и у меня сейчас тоже.

— Я выезжаю.

У него в квартире всегда пахнет железом, пылью и кофе. И еще чем-то кислотным — от энергетиков, которыми он живет. На полу провода. На столе два монитора, третий на каком-то кривом штативе. В углу системник без крышки, как вскрытый сейф.

Мишка встречает меня в растянутой футболке и с таким лицом, будто я выдернула его из реальности.

— Давай, — кивает на стол. — Телефон.

Я отдаю аппарат. Он подключает его к ноутбуку, щелкает мышкой, не глядя на меня.

— Ты опять во что-то влезла? — бросает вскользь.

— Просто работа.

— М-м, — это у него универсальная реакция на все, что выходит за пределы «цифр».

Я сажусь на край дивана, сжимаю ладони. Мне хочется ходить по комнате, но я заставляю себя сидеть. В его мире нельзя мешать процессу — это как встряхивать руку хирурга.

На экране бегут строки. Проценты ползут мучительно медленно.

— Если данные перезаписались, — бормочет он, — будет каша. Если нет — вытащим.

— Вытащим, — вторю я, не теряя надежду.

Наконец появляются миниатюры.

Мишка откидывается на спинку кресла и поворачивает монитор ко мне.

— Смотри.

Я листаю.

Клуб. Свет. Девушки. Столы.

Ржавый.

И рядом — тот самый мужчина.

Я останавливаюсь на кадре. Увеличиваю.

— Вот он, — говорю тихо.

— Ага, — Мишка наклоняется ближе. — Интересный чел.

— Почему?

— Потому что простые не стоят так, будто им принадлежит все, — он щелкает мышью, увеличивая лицо. — Дай-ка.

Он быстро открывает еще одно окно, запускает поиск, что-то копирует, куда-то вставляет.

Я смотрю на экран, будто оттуда сейчас выскочит объяснение.

— Странно, — говорит Мишка.

— Что?

Он не отрывает взгляда от монитора.

— По нему ноль совпадений.

— Может, он непубличный? — пытаюсь я найти простое объяснение.

Мишка усмехается уголком губ.

— Непубличный — это когда мало данных. А тут их нет. Вообще. Как будто он нигде не засветился ни разу.

Меня пробирает холодок. Я снова смотрю на лицо на фото. Выразительное. Властное. — Подожди, — Мишка уже переключается на другую вкладку. — Про этого Ржавого информация есть.

На экране выскакивают статьи, заметки, старые фотографии. На одной — мужчина постарше, со знакомой фамилией в подписи.

Савин.

Тот самый, который официально погиб.

— Ржавый у него был правой рукой, — говорит Мишка. — Вот, смотри. По мероприятиям он рядом везде.

Имя Савина будто нажимает скрытую кнопку в голове. Ресторан «Лайм». Молодой Савин. Мой вопрос. Его злой

взгляд. И тот факт, что Ржавый оказался рядом.

Я возвращаюсь к фото.

Кадр, где второй мужчина почти повернут к камере.

— Увеличь, — прошу я.

Мишка приближает изображение.

И мне становится не по себе.

Потому что на этом кадре он смотрит прямо в объектив.

Не мимо. Не «случайно зацепил взглядом».

Как будто видел меня там, в толпе.

— Он смотрит в камеру, — говорю я, и голос звучит странно, будто не мой.

— Ага, — Мишка кивает. — Значит, видел, как ты сни-
маешь.

Я сглатываю.

— И его это не остановило, — добавляет Мишка спокой-
но, как будто комментирует сбой программы.

Я смотрю на экран и медленно выдыхаю.

Если он видел и не ушел...

Если Ржавый сорвался из-за моих фото...

То проблема была не в девушках.

И, возможно, даже не в Ржавом.

Я откидываюсь назад, чувствуя, как по коже проходит неприятная волна.

— Миш... — начинаю я и замолкаю.

Потому что не знаю, как сформулировать главный вопрос:
во что именно я влезла.

Мишка, не глядя на меня, закрывает окна одно за другим и вдруг говорит:

— Ты аккуратнее там, ладно?

Я не отвечаю сразу.

Потому что похожее предупреждение уже звучало сегодня. И у меня на руках снова есть эти фотографии.

И с ними — тайна, о которой я еще не знаю почти ничего.

Глава 7

Дорога домой тянется резиной. Ночь сырая, фонари расплываются в лужах, люди на остановках стоят с тоскливыми лицами, будто их выключили вместе с дневным светом.

Я поднимаюсь по лестнице на свой этаж и ловлю себя на том, что слушаю шаги. Глупо. Здесь никого нет. Никто не ждет у подъезда. Не опирается бедром о машину и не улыбается так, будто у него в кармане запасной ключ от моей жизни.

Дверь в квартиру открывается легко. Я прохожу в комнату, достаю телефон. Пальцы сами открывают банковское приложение.

Ноль с хвостиком.

Я смотрю на цифры и почему-то хочется рассмеяться. Не весело — зло. Если бы мне сейчас предложили выбрать между страхом и пустым холодильником, я бы выбрала... черт, я даже не уверена.

Аренда. Коммуналка. Пары. Заказов нет. Статей нет. Издательство в этом месяце словно забыло, что я существую.

Я бросаю телефон на кровать и смотрю в потолок.

Можно было бы... продать восстановленные фото.

Мысль появляется сама, мерзкая, липкая. Такая, за которую хочется самой себе дать пощечину. Я даже представляю: пишу Даниилу, говорю — есть материал, можно вытянуть.

Или нахожу другого покупателя.

И тут же вижу перед глазами его пальцы на моем воротах.

«Я предупреждал».

Резко сажусь на кровати.

Нет. Поздно. Опасно. И слишком похоже на желание снова сунуться туда, где меня раздавят. Я уже увидела, что бывает, когда Ржавому что-то не нравится.

Телефон вздрагивает.

Уведомление.

Я беру его, даже не думая, и на секунду перестаю дышать.

Зачисление средств.

Сумма такая, что у меня в голове не сразу укладывается. Не миллионы. Но прилично. Слишком прилично для «проваленного заказа». Достаточно, чтобы закрыть аренду и еще чуть-чуть — чтобы не считать копейки в магазине.

Моргаю.

Ошибка?

Возврат за что-то, чего я не помню?

Телефон снова вибрирует.

Имя: «Агент».

Меня подбрасывает так, будто по коже проходит ток.

Я выдыхаю и принимаю вызов.

— Да, — стараюсь, чтобы голос звучал ровно.

— Ну здравствуй, Тоня, — он бодрый, как всегда. Слишком бодрый для ночи. — Деньги получила?

— Это ошибка? — вырывается у меня.

— Не ошибка, — спокойно. — Молодец. Сработала отлично.

У меня в груди холодеет.

— Отлично? — переспрашиваю я спокойно, как могу. — Я ничего не сделала. Задала один вопрос, и он уехал.

Даниил усмехается, будто я рассказываю анекдот.

— Не прибедняйся. Молодец, что подловила его на парковке.

Я замираю.

Парковка.

У меня даже фото не было — только вопрос и его лицо, перекошенное раздражением.

— Откуда ты знаешь? — голос получается тише, чем надо.

Пауза в трубке короткая, выверенная.

— Клиент доволен, — говорит Даниил, словно не слышит моего вопроса. — Доволен настолько, что дал аванс. Хочет продолжения.

Я сжимаю телефон так, что пальцы белеют.

Клиент был там.

Он видел. А ведь я никого не заметила.

— Что за продолжение? — спрашиваю, хотя часть меня уже хочет сбросить звонок и выключить телефон.

— Нужно прощупать девушку Савина, — отвечает Даниил деловым тоном, будто мы обсуждаем погоду. — Понять, насколько она в теме. Что знает. С кем общается. Реакции,

Тоня. Мне нужны реакции.

— Ты хочешь, чтобы я... — я подбираю слово, но оно не находится.

— Не драматизируй, — перебивает он. — Никто не говорит про войну. Просто подогреть. Легкий шум. Вопросы. Неловкие случайности. Пусть понервничает. Это все.

Я закрываю глаза.

— Нет, — говорю сразу, чтобы не успеть передумать. — Я верну деньги.

Секунда тишины. Потом Даниил вздыхает — не устало, а будто терпеливо.

— Тонь, — говорит он мягко, и от этой мягкости мне становится противно. — Подумай. Деньги хорошие. Работа легкая. И ты уже... в теме.

— Я не в теме, — резко. — Я случайно рядом оказалась. Он хмыкает.

— Случайно — это когда мимо прошла. А ты второй раз оказываешься там, где надо. Клиент это ценит. До утра реши.

— Я сказала нет.

— До утра, — повторяет он, и связь обрывается.

Я сижу на кровати и смотрю на телефон, как будто он сейчас снова заговорит.

Деньги на счету. Теплые. Реальные. Почти спасительные.

Я открываю приложение еще раз. Проверяю. Сумма не исчезает. Не мерцает. Не превращается в сон.

Встаю и иду к окну. За стеклом двор, мокрый асфальт,

редкие фары. Обычная ночь.

А внутри — ощущение, что кто-то только что аккуратно поставил мне ногу на горло. Не давит. Просто держит. Чтобы я знала, что может.

Утром верну. Без разговоров. Переведу обратно и все. Подумаешь, без денег. Придумаю что-нибудь. Напишу статью. Займу. Продам старый ноутбук. Неважно.

Главное — не влезать.

Я ложусь и долго не могу уснуть. Перед глазами то лицо второго мужчины с восстановленного фото — спокойное, пустое для поисковиков. То уверенный взгляд Ржавого. То слова Даниила: «молодец».

К утру я проваливаюсь в тревожный сон, и мне снится парковка. Машина. Чья-то тень вдалеке. И чувство, что на меня смотрят.

Просыпаюсь от звука на кухне.

Маринка шуршит пакетами и ругается вполголоса.

— Ты уже встала? — спрашивает она, заглядывая в комнату. И тут же, не дожидаясь ответа: — Слушай... хозяйка звонила.

У меня внутри все сжимается.

— Что?

— Сказала, сегодня оплатить аренду. Прямо сегодня. Иначе будет искать других жильцов. Я ей пыталась объяснить, но она... — Маринка пожимает плечами. — Ты же знаешь.

Я молчу.

В голове мгновенно простая арифметика.

Сегодня.

Крайний срок.

А на моем счете ровно столько, чтобы закрыть эту сумму и не вылететь на улицу.

Я беру телефон.

Смотрю на баланс.

И понимаю, что «утром верну» было хорошим планом ровно до того момента, пока утро не наступило.

Я сглатываю.

Деньги лежат там, как приманка.

И теперь выбор не теоретический.

Теперь он про то, где я буду жить завтра.

Глава 8

Деньги ушли хозяйке быстро. Один клик, и с меня будто сняли кусок кожи. На счету стало легче, а внутри наоборот тяжелее.

Потому что я не вернула аванс.

Обещала себе: утром переведу обратно, поставлю точку и забуду. А по факту я просто выбрала крышу над головой. И теперь могу сколько угодно уверять, что «ничего не обещала», но это будет враньем.

Телефон лежит рядом.

Я смотрю на чат с Даниилом и печатаю, стираю, снова печатаю.

«Встречусь с девушкой Савина. Один раз. После — я выхожу.»

Отправляю. Сразу становится противно от того, как по-детски звучит «выхожу», будто у меня вообще есть дверь.

Ответ приходит быстро. Не «ок». Не «понял». Даже не смайлик.

Имя. Адрес. И сухое: Будь аккуратна.

Он игнорирует мое «один раз». Я сжимаю телефон, потом заставляю себя разжать пальцы.

Ладно.

Значит, надо выполнять. Я сама так решила.

Дом у девушки обычный. Спальный район, серые панели,

детская площадка с облезлой горкой. У подъезда пахнет сигаретами и мокрой листвой. Никаких охранников, черных машин. Если бы я не знала, кого «прорабатывать», прошла бы мимо и даже не оглянулась.

Она выходит минут через десять.

Невысокая. В пуховике попроще. Волосы собраны в хвост. На лице — усталость. Не глянец. Не статус. Не «девушка большого мужчины».

Слишком нормальная.

Я ловлю ее взгляд и делаю шаг навстречу.

— Аня? — спрашиваю спокойно, без нажима.

Она настораживается сразу. Не пугается — просто собирается, как кошка перед прыжком.

— Да.

— Меня зовут Тоня. У меня к вам пара вопросов.

Она смотрит на меня внимательно, будто пытается понять, я журналистка или просто сумасшедшая соседка.

— Я спешу, — говорит ровно.

— Это ненадолго, — отвечаю так же спокойно и ловлю себя на том, что действительно включился этот чертов профессиональный режим. Когда голос выравнивается, а внутри все кипит. — Это касается Сергея Савина. Вы ведь много времени проводите вместе.

У нее чуть дергается бровь.

— Я не комментирую чужую жизнь.

Она уже собирается обойти меня, но я задаю вопрос, ра-

ди которого пришла. Четко, без лишних слов, почти официально:

— Что вы думаете о партнерстве Сергея Савина и Баратова?

И вот тут все меняется.

Не истерика. Не «кто вы такая». Не «уберите телефон».

Она замирает.

Секунда.

Вторая.

Лицо белеет так, будто из нее вынули кровь.

А потом ее взгляд уходит мне за плечо.

Куда-то вниз, к дороге.

Я медленно оборачиваюсь. Успеваю почувствовать, как у меня холодеют пальцы.

У бордюра стоит знакомая машина. Я не слышала, как она подъехала.

Дверь открывается.

Ржавый.

Внутри что-то резко обрывается.

Как?

Он не мог знать, что я здесь.

Или мог?

Первая мысль — бежать. Прямо сейчас. Не ждать. Развернуться и раствориться за углом.

Вторая — поздно.

Он уже смотрит. Не на Аню. На меня.

Я чувствую это до того, как поднимаю глаза.

Сердце делает неровный удар, еще один. Воздух становится вязким. В голове вспыхивает дурацкое: В подъезд? Через двор? Притвориться, что я вообще не к ней?

Аня делает шаг к нему — быстро, почти облегченно. Встает рядом. Ближе, чем стояла ко мне.

И я вдруг понимаю: для нее он — защита.

А для меня — наоборот.

Он не торопится.

Просто смотрит.

Я делаю шаг назад. Если останусь, он подойдет. И тогда это уже будет не случайная встреча, а разговор. А я не уверена, что выдержу еще одно его «я предупреждал».

— Извините, — произношу слишком быстро, уже не Ане, скорее пространству между нами.

И ухожу.

Чувствуя затылком его взгляд.

Не бегу. Но каждый шаг — как по тонкому льду.

Домой я еду напрямую. Петлять смысла нет — он и так знает, где я живу. Бояться «слежки» глупо. Я боюсь другого: новой встречи. Еще одного взгляда.

Подъезд встречает гулкой темнотой. Лампочка мигает через раз. И никого.

Ни машины. Ни фигуры у стены.

Пусто.

Я испуганно озираюсь, медленно поднимаюсь по лестни-

це, открываю дверь, захожу в квартиру и только тогда позволяю себе выдохнуть.

Секунда тишины.

Две.

Телефон вибрирует.

Номер неизвестный.

Сообщение короткое, без приветствий:

Если ищешь ответы, приходи в «Оникс».

Глава 9

Сообщение висит на экране, как заноза под кожей.

Если ищешь ответы — приходи в «Оникс».

Без подписи и времени. Будто я уже согласилась, еще до того, как прочитала.

Я хожу по комнате кругами. Туда-сюда, как зверек в клетке, которому забыли открыть дверь. На кухне гремит холодильник, в ванной капает кран — все это раздражает, мешает думать. Маринки нет, и от этого еще хуже: некому брякнуть что-то глупое, чтобы мир снова стал обычным.

Я смотрю на телефон и ловлю себя на простой мысли: если я не поеду — ничего не изменится.

Заказ я выполнила. Деньги уже ушли. Аня испугалась. Ржавый появился слишком вовремя. И теперь это сообщение.

Мне кажется, я стою посреди дороги, и фары уже светят в лицо, а я все выбираю: сделать шаг или остаться.

«Не лезь», — всплывает его голос. Спокойный. Тяжелый. Как приговор, который не обсуждают.

Я пытаюсь придумать себе отмазку. Любую.

Не поеду — потому что поздно и опасно. И вообще, я не дура.

И тут же другая мысль, злая и честная: а если поеду и опять же потому что не дура. Иначе меня будут дергать и

дальше, а я буду гадать, кто и зачем.

Я сажусь на край кровати, сжимаю телефон в ладони. Пальцы липкие, будто я держу не пластик, а чужую руку.

Он хочет, чтобы я пришла сама.

Если бы меня тащили — можно было бы кричать, сопротивляться, ненавидеть. А когда ты идешь добровольно, ты уже где-то внутри соглашаешься. Пусть не с ним. С игрой.

Я встаю, натягиваю джинсы, теплый свитер. Автоматически, будто собираюсь на пары. Потом хватаю куртку и оста-навливаюсь.

А если это ловушка?

Смешно. У меня вся жизнь сейчас — сплошная ловушка.

Выключаю свет, выхожу, закрываю дверь на два оборота. И по дороге вниз ловлю себя на том, что считаю ступеньки.

На улице холодно. Воздух влажный, пахнет асфальтом и гарью. Я иду к метро быстро, но не бегу. Не хочу выглядеть человеком, который убегает от собственной тени.

В вагоне тесно. Люди смотрят в телефоны. Я делаю то же самое — открываю сообщение еще раз. Словно там должно появиться что-то новое. Координаты. Подсказка. «Не приходи». «Я пошутил».

Ничего.

Я пытаюсь представить, что будет, если я войду в клуб.

Охрана. Музыка. Его взгляд.

Внутри все реагирует от одних только мыслей. Это бесит. Я не хочу быть такой. Не хочу, чтобы меня можно было взять

просто тоном или взглядом.

Но я уже знаю: можно.

На станции я выхожу и сразу чувствую, как город меняется. Здесь ярче вывески, плотнее машины, и лица у людей другие — ночные, острые. Те, кто живут после двенадцати.

До «Оникса» идти минут десять. Стараюсь держать темп. Слишком медленно — начну думать. Слишком быстро — выдам страх.

Клуб виден издалека: свет, темные силуэты у входа, блеск машин на парковке. Музыку слышно даже через стены — глухой бас, как сердце, которое бьется в бетон.

Я останавливаюсь на секунду у края тротуара.

Сейчас можно развернуться.

Сказать себе: хватит.

И тут же вспоминаю Аню. Ее лицо, белое, пустое. И то, как она посмотрела мне за плечо — не с ужасом, а с надеждой.

Я сглатываю и делаю шаг к парковке.

Машины стоят рядами, мокрые капоты отражают свет. Пахнет бензином и холодным металлом. У входа несколько мужчин. Охрана? Посетители? Здесь все похоже: темные куртки, спокойные лица, уверенные движения.

Я держу телефон в кармане, так, чтобы рука касалась его краем. Глупо. Если что случится, я не успею никуда позвонить. И все равно это дает иллюзию контроля.

Уже почти дохожу до дорожки, ведущей к двери, когда

рядом раздается голос:

— Тоня?

Я замираю.

Медленно поворачиваю голову.

Двое мужчин. Слишком обычные. Лица серые, неприметные. Таких не запоминают.

Один смотрит на меня в упор, без интереса, как на пункт в списке.

— Вы... кто? — мой голос звучит ровнее, чем я чувствую.

— Вас ждут, — отвечает он так, будто это объясняет все.

Сердце ухает вниз.

Он? Ржавый?

Я делаю вдох, открываю рот — спросить, где, кто, зачем — и в этот момент второй мужчина делает шаг ближе.

Слишком быстро для «поговорить».

Я отступаю на полшага, упираюсь в чью-то машину бедром. Холодный металл через джинсы бьет по коже.

— Я сама дойду, — говорю я, и это звучит жалко. Они не спрашивают.

— Конечно, — первый кивает, но улыбки нет. — Проходите.

Он открывает заднюю дверь черной машины. Будто это не похищение, а встреча старых друзей.

Мозг лихорадочно ищет выход.

Клуб. Охрана. Свет. Люди.

Закричать?

Голос застрянет в горле. Да и что я крикну? Куда? Кто? Любой решит, что это разборки любовников или пьяная сцена.

Бежать?

Я делаю рывок взглядом вправо — там проход между машинами. Но второй мужчина уже рядом. Его рука ложится мне на локоть. Не грубо. Не больно. Просто фиксирует.

— Мне нужно... — начинаю я и понимаю, что слова бессмысленны.

— Тише, — говорит первый почти мягко. — Не усложняйте. Вас действительно ждут.

Я пытаюсь выдернуть руку. Смешно. Он не сжимает сильнее, просто держит. И я вдруг вспоминаю Степана — как легко он фиксировал запястье. Как будто у меня нет веса.

Делаю шаг назад — и оказываюсь у открытой двери.

Еще миг, и меня заталкивают внутрь. Не бросают. Просто направляют. Как вещь, которую надо доставить целой.

Дверь закрывается.

Щелчок звучит слишком громко.

Я дергаюсь к ручке — заперто. Руки дрожат.

Машина трогается плавно, без рывков, и клуб с его светом остается позади.

Я сижу, вжимаясь в сиденье, и пытаюсь дышать.

Это Ржавый?

Он решил, что хватит игр?

Или это Даниил?

Или... кто-то третий?

В кармане вибрирует телефон. Я почти плачу от облегчения — сейчас позвоню, сейчас...

Но рука первого мужчины появляется между сиденьями.

— Телефон, — говорит он спокойно, будто просит билет.

Я цепляюсь за аппарат, как за спасение.

— Пожалуйста... — вырывается у меня.

Он смотрит в зеркало. Без эмоций.

— Вам вернут, — отвечает и забирает его одним движением.

Экран гаснет. Мир тоже.

Мы едем. Долго. Я не понимаю куда: повороты, мост или туннель, снова повороты. Окна темные. Внутри пахнет кожей и холодом.

Я пытаюсь запомнить маршрут, но все расплывается. Голова шумит. Внутри поднимается тошнота — не от скорости, от осознания: я сама приехала сюда. Сама сделала шаг в эту ночь.

Машина наконец останавливается.

Дверь открывают.

Меня выводят — опять без грубости, но слишком крепко, чтобы я могла дернуться.

Подъезд? Двор? Ничего не вижу толком — фонари слепят, а голова будто в вате.

Лифт. Коридор. Дверь.

Комната.

Чистая. Тихая. Нейтральная. Ни подвал, ни склад. Просто помещение, где нет окон и слишком ровный свет.

Дверь за моей спиной закрывается.

Я остаюсь одна.

Стою посреди комнаты и слушаю, как кровь стучит в ушах.

Сейчас появится Ржавый.

Хоть кто-то, кого я знаю.

Я сглатываю и заставляю себя не дрожать.

Глава 10

Дверь открывается без стука.

Я вздрагиваю и оборачиваюсь.

В проеме стоит мужчина лет сорока с небольшим. Может, старше. Такой ухоженный, что точно и не определишь. Невысокий, аккуратный, в темном пальто. Не похож на тех, кто меня сюда привез. Те были серыми, с пустым выражением на лицах. Этот наоборот, весь собранный. Уверенный в себе.

Он закрывает за собой дверь и смотрит на меня так, будто мы знакомы.

— Антонина, — произносит спокойно. — Спасибо, что пришли.

Я чувствую, как внутри что-то неприятно холодеет.

— Меня не приглашали, — отвечаю сухо. — Просто привезли.

Он чуть улыбается, словно произошло мелкое недоразумение.

— Это детали.

Подходит ближе, но не слишком. Останавливается у стола, кладет на него телефон — мой.

Я смотрю на него, потом на мужчину.

— Вы кто?

Он снимает перчатки, аккуратно убирает в карман.

— Думаю, вы уже догадались.

Я молчу.

Он выдерживает паузу, будто проверяет, насколько быстро я соображаю.

— Баратов, — говорит наконец.

Имя падает между нами.

Тот самый.

Человек, о котором я спрашивала Аню. Тот, из-за кого ее лицо побелело, как бумага. О ком я и сама слышала немало отвратительных вещей.

Я медленно выдыхаю. Нельзя показывать, как сильно он меня пугает.

— Значит, это вы заказали фотографии.

Он не отрицает.

— И разговор с Сергеем Савиным, — добавляет с усмешкой. — И вашу встречу с Аней.

У меня на секунду перехватывает дыхание.

Все эти дни я думала, что играю в чужую игру, но хотя бы понимаю правила.

Оказывается — нет.

Я смотрю на него внимательнее.

— Через Даниила? — уточняю.

— Через него, — кивает Баратов. — Он не задает лишних вопросов.

Я чувствую, как внутри неприятно сжимается.

Даниил как раз и нужен для того, чтобы заказчики не стояли передо мной лично. Он фильтр. Буфер. Если человек

перешел через него — значит, правила его не интересуют. Он затеял свою игру.

— Вы не должны были выходить на меня напрямую, — говорю осторожно.

Баратов слегка приподнимает бровь.

— Почему?

— Потому что заказ закрывается через посредника.

Он несколько секунд смотрит на меня, потом растягивает губы в неприятной ухмылке.

— Я заказал фотографии. Вы сообщили, что их нет.

Он делает небольшую паузу.

— Я думала, что компенсировала провал встречей с Савиным, — говорю осторожно.

— Нет, — спокойно отвечает он. — Это была проверка.

Тишина в комнате становится плотнее.

— Вы решили, что сможете обмануть меня, — добавляет Баратов.

Он произносит это без злости. Просто как факт.

— Сначала взяли работу. Потом сообщили, что все сорвалось.

Делает шаг к столу, берет мой телефон и кладет его передо мной.

— Но фотографии вы сделали.

Я ничего не отвечаю.

Он смотрит на меня несколько секунд.

— Меня не стоит обманывать, Антонина.

Он говорит это спокойно, без угрозы.

— Люди обычно понимают это после первой же ошибки.

Его голос остается тихим.

Чувствую, как у меня пересыхает во рту.

— Я не обманывала вас, — говорю.

— Нет? — спокойно.

Он чуть склоняет голову.

— Тогда почему результат до сих пор у вас, а не у меня?

Внутри все неприятно сжимается.

Он не спрашивает.

Он знает.

Баратов не повышает голос. Даже не меняется в лице.

— Впрочем, — говорит он через секунду. — Это можно исправить.

Берет телефон, проводит пальцем по экрану и разворачивает его ко мне.

На дисплее появляется фотография.

Клуб. Девушки. Ржавый.

И второй мужчина рядом с ним.

Я невольно замираю.

— Вот это меня интересует, — спокойно говорит Баратов.

Палец касается изображения.

— Не Ржавый. Этот человек рядом.

Я смотрю на лицо на фото.

— Я не знаю, кто это.

— Именно поэтому вы здесь.

Он убирает телефон.

— Ржавый отреагировал слишком резко.

Пауза.

— И слишком аккуратно.

Я вспоминаю холодную дверь машины у подъезда. Его руку на моем запястье.

— Люди вроде него не отпускают свидетелей дважды, — продолжает Баратов.

Он смотрит прямо в глаза.

— Но вас отпустил.

Тишина растягивается.

— Значит, вы его заинтересовали.

Я качаю головой.

— Вы ошибаетесь.

— Возможно, — спокойно соглашается он.

И добавляет:

— Но проверять это будете вы.

Я понимаю раньше, чем он договаривает.

— Нет.

Он не спорит.

Не повышает голос.

Просто смотрит на меня.

И в этом взгляде нет ни раздражения, ни спешки.

— Антонина, — произносит он тихо. — Вы уже в этой истории.

Пауза.

- Вопрос только в том, сколько вы на ней заработаете.
Он делает шаг назад.
- Или сколько она вам будет стоить.

Глава 11

Одну ошибку я уже совершила.

Эта мысль не отпускает, пока меня выводят из комнаты. Спокойно. Без суеты. Без толчков в спину. Один из людей Баратова просто открывает дверь и кивает в коридор, будто мы закончили деловую встречу и теперь он провожает меня к выходу.

Только вот выходом здесь и не пахнет.

Телефон мне возвращают сразу. Словно делают одолжение, и я должна оценить их вежливость.

Я сжимаю его в ладони, но не включаю экран. Не хочу видеть ни время, ни пропущенные, ни собственное отражение в черном стекле.

В голове все еще крутится голос Баратова. Спокойный. Ровный. И от этого особенно мерзкий.

Одну ошибку вы уже совершили. Не советую проверять, что будет после второй.

Он не угрожал напрямую. Просто обозначил факт. Как прогноз погоды. И именно поэтому я ему поверила.

Меня провожают к машине. Дверца уже открыта. Та же темная кожа сидений, тот же глухой запах холода и мужского одеколона. Я на секунду задерживаюсь у двери. Не надеюсь сбежать, это было бы глупо. Просто хочу доказать себе, что еще могу что-то решать.

— Садитесь, — бросает водитель.

Без нажима. Но так, что спорить бессмысленно.

Я сажусь.

Машина трогается мягко, почти бесшумно. За окнами скользят фонари, мокрые витрины, редкие прохожие. Никто из сидящих впереди не оборачивается, не говорит ни слова. Будто меня здесь нет.

Сначала я думаю, что меня везут домой. Было бы логично. Довезти, отпустить, дать время переварить. Но через несколько минут узнаю район.

Оникс.

Внутри что-то резко сжимается.

Я всматриваюсь внимательнее, надеясь, что ошиблась. Но нет. Вот та же длинная линия дорогих машин. Знакомый поворот. Черная вывеска, в которой буквы будто светятся изнутри.

Баратов не собирается ждать.

Он хочет, чтобы все началось сегодня.

Я невольно сглатываю.

Значит, Ржавый в клубе.

И, может быть, не один.

Машина тормозит у тротуара. Не у самого входа — чуть в стороне, но достаточно близко, чтобы музыка уже давила через стены.

— Иди, — говорит тот, что сидит рядом с водителем.

Вот так. Без объяснений.

Я не двигаюсь.

— А если нет?

Он впервые поворачивает голову.

— Тогда поедem обратно.

Секунда.

Я почти слышу, как щелкает внутри мысль. Обратно — к Баратову.

Выхожу.

Дверца за моей спиной захлопывается, но машина не уезжает. Ждет. Как собака, которой приказали сторожить.

Значит, меня сюда не просто подвезли. Доставили.

Засовываю руки в карманы и смотрю на вход. Сегодня я не в платье. Обычные джинсы, свитер, волосы собраны кое-как. Ни одна нормальная девушка так в этот клуб не заявится. И на секунду внутри вспыхивает почти смешная надежда.

Может, меня вообще не пустят.

Охрана посмотрит на мой убогий вид, скривится и развернет.

Тогда я скажу тем двоим в машине: не получилось. Извините. Не прошла дресс-код.

Я иду к двери, цепляясь за эту мысль, как за единственную приличную лазейку.

У входа двое охранников. Один сразу окидывает меня взглядом с головы до ног, и я почти физически чувствую, как во мне растет облегчение.

— Девушка, вы к кому? — спрашивает он холодно.

— Ни к кому, — отвечаю честно. — Уже ни к кому.

Он хмурится.

— У нас закрытое мероприятие.

Вот оно.

Я собираюсь развернуться, даже делаю полшага назад, когда второй охранник чуть касается пальцем наушника. Секунда. Еще одна. Лицо у него не меняется, но смотрит он на меня уже иначе.

— Проходите.

У меня внутри все обрывается.

Кто-то в клубе уже знает, что я здесь.

Вхожу.

Музыка бьет в грудь сразу. Свет режет глаза. Воздух тяжелый, сладкий, липкий от духов, дыма и дорогого алкоголя. Все то же самое, что в ту ночь. Только тогда я хотя бы понимала, зачем пришла. Сейчас — нет.

Я иду к бару, потому что больше некуда. Сесть в центре зала — слишком заметно. Прятаться у стены — глупо. У бара хотя бы можно делать вид, что ждешь кого-то.

Бармен окидывает меня взглядом и спрашивает что-то, но музыка съедает слова. Я просто говорю:

— Воды.

Он кивает.

Стакан оказывается в руке через минуту. Холодный, скользкий. Я вцепляюсь в него так, будто это и есть моя единственная защита.

Что дальше?

Подойти к Ржавому и сказать: добрый вечер, меня только что почти шантажом привезли к вам в клуб, давайте познакомимся заново?

Бред.

Я делаю маленький глоток. Вода ледяная, и от этого зубы сводит.

Глаза сами ищут ВИП-зону. Потом лестницу. Потом знакомый силуэт. Кажется, я вижу кого-то высокого в тени, но свет мигает, и фигура растворяется.

А вдруг тот мужчина тоже здесь?

Эта мысль пробивает холодом сильнее кондиционера.

Если Баратов прав, если этот человек снова рядом с Ржавым, то мне сейчас нужно не просто «втереться в доверие». Мне нужно оказаться рядом с тем, кого нет ни в одной базе. С человеком, из-за которого Баратов пошел на прямой контакт. Из-за которого Ржавый сорвался. Из-за которого меня уже дважды втянули туда, куда я сама бы не полезла.

Руки начинают дрожать. Я ставлю стакан на стойку, чтобы не расплескать воду.

Соберись.

Ты не школьница. Ты умеешь задавать вопросы. Умеешь ждать, читать лица.

Но все это почему-то перестает иметь значение, когда в голове всплывает другая картина: холодная дверь машины у подъезда, его рука на моем запястье, воздух между нашими

губами.

Я резко отталкиваю эту мысль. Не время.

Бар кажется одновременно слишком людным и слишком пустым. Все смеются, двигаются, пьют, но ни один из этих людей не имеет ко мне никакого отношения. Я здесь одна. Между Баратовым, который может делать вид, что ведет переговоры. И Ржавым, который предупреждал не лезть.

Я успеваю сделать еще глоток, когда рядом возникает тень.

Охранник.

Тот самый, что стоял у входа.

Он наклоняется ко мне чуть ближе, чтобы перекрыть музыку, но голос у него все равно спокойный:

— Вас ждут.

У меня внутри что-то падает.

— Кто?

Он смотрит так, будто я задала самый бессмысленный вопрос из возможных.

— Пойдемте.

Я тяну еще секунду, потом соскальзываю с высокого барного стула. Ноги будто не мои. Охранник не торопит, просто идет впереди, и мне ничего не остается, кроме как следовать за ним.

Мы идем через зал. Люди расступаются, не замечая меня, будто я еще одна тень из клубной obsługi. Потом лестница. Знакомый коридор, где музыка становится глуше, а воздух

— холоднее.

Я уже была здесь.

Только тогда меня вели силой.

Сейчас я иду сама.

Охранник останавливается у двери, стучать не считает нужным. Нажимает ручку и открывает.

Я переступаю порог.

Он там.

Ржавый.

Сидит за столом, откинувшись в кресле.

Поднимает на меня глаза, и в комнате будто становится тише, хотя тишины здесь нет и быть не может.

Он несколько секунд просто смотрит.

Потом чуть склоняет голову и произносит:

— Все-таки пришла.

Глава 12

— Все-таки пришла.

Голос у него тот же — спокойный, чуть ленивый, как будто мы встретились случайно в коридоре университета, а не в кабинете закрытого клуба после всех предупреждений.

Дверь за мной мягко щелкает, и этот звук почему-то отзывается в груди сильнее, чем музыка из зала.

— Вы меня ждали? — спрашиваю, хотя сама понимаю, как глупо это звучит.

Он не отвечает сразу.

Смотрит.

Долго. Спокойно. Слишком внимательно.

Под этим взглядом хочется сделать шаг назад, но за спиной уже дверь.

Ржавый медленно выпрямляется в кресле.

— Я говорил тебе держаться от всего этого дерьма подальше.

Он не звучит злым. Даже не повышает голос.

Я заставляю себя сделать пару шагов вперед, чтобы не стоять у двери как школьница, вызванная к директору.

Ноги будто не мои.

— Я... хотела поговорить.

Он чуть приподнимает бровь.

— Ночью. В клубе.

Слова падают тяжело.

К щекам приливает тепло.

— Я пришла извиниться, — произношу, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — За тот вечер. И за все, что было потом.

Пауза.

Он не перебивает. Не усмехается. Просто смотрит так, будто ждет, что я сама запутаюсь в собственных словах.

И, кажется, именно это и происходит.

— Извиниться, — повторяет тихо и встает.

Движение неторопливое, но от него внутри все сжимается. Кресло едва слышно скрипит, когда он отодвигается от стола.

Я вдруг очень остро ощущаю, насколько он высокий.

И насколько близко оказывается уже через пару шагов.

Запах дорогого одеколона и чего-то его собственного, накрывает почти мгновенно.

Я инстинктивно делаю шаг назад.

Поздно.

Край стола упирается в поясницу.

Он замечает это.

— Ты пришла извиняться, — повторяет спокойно.

Пауза.

— Или снова собирать информацию?

Я стискиваю зубы.

— Я не планировала лезть дальше.

— Угу.

Он не спорит. Но в этом коротком звуке столько недоверия, что становится ясно — он не поверил ни на секунду.

Сердце начинает биться быстрее.

Я вспоминаю слова Баратова, холодные и ровные: Одну ошибку вы уже совершили.

И понимаю, что сейчас могу совершить вторую.

— Я правда хотела только поговорить, — произношу уже тише.

Он смотрит на меня еще несколько секунд.

Потом делает шаг.

Еще один.

И вдруг кладет ладони на стол по обе стороны от меня.

Я оказываюсь между его руками.

Он все еще не касается меня.

Но пространство резко становится меньше.

Воздуха как будто не хватает.

Сердце начинает биться где-то в горле.

— Извиниться?! — повторяет он.

И наклоняется чуть ближе.

— В моем кабинете?

Я чувствую его дыхание у щеки.

Голова начинает кружиться.

— Я не знала, что вы здесь, — вырывается у меня сдавленно.

Он тихо усмехается.

Щеки вспыхивают еще сильнее.

Смотрит на меня внимательно, словно пытается разоб-
брать, что именно у меня в голове.

— Ты сама сюда пришла, — произносит он наконец.

Спокойно.

Без нажима.

Но эти слова звучат как приговор.

— Никто тебя не тащил.

Я открываю рот, чтобы возразить.

И закрываю.

Потому что формально он прав.

Он протягивает руку и касается моего подбородка.

Пальцы теплые. Уверенные.

Поднимает мое лицо чуть выше.

— Смотри на меня.

Я подчиняюсь.

И в этот момент понимаю, что боюсь не только его.

Я боюсь собственной реакции.

Того, как тело вспоминает его прикосновения у подъезда.

Как внутри что-то отзывается на эту близость.

Это злит.

Он наклоняется ближе.

Очень медленно.

Сердце начинает колотиться так громко, что кажется —
он тоже слышит.

Я должна его остановить.

Оттолкнуть, объяснить, что-нибудь придумать.

Но вместо этого просто стою.

И считаю расстояние между нами.

Миллиметры.

Он останавливается в последний момент, заставляя рас-
терянно всхлипнуть.

Смотрит на меня несколько долгих секунд.

Потом тихо произносит:

— В прошлый раз я тебя отпустил.

Пауза.

Я не знаю, что ответить.

Он выпрямляется.

На секунду мне кажется, что все закончилось.

Что он снова отойдет.

Но он делает другое.

Подхватывает меня за талию и легко сажает на край стола.

Я даже не успеваю понять, как это произошло.

Стол холодный.

Его руки — наоборот.

Он становится между моими коленями так естественно,
будто это единственное возможное положение.

Между нами почти нет расстояния.

Я чувствую жар его тела, дыхание, напряжение мышц под
рубашкой.

Голова идет кругом.

— Вы... — начинаю я.

Он перебивает.

— Ты пришла сама.

Пальцы на моей талии сжимаются чуть сильнее.

Не больно.

Но так, что ясно — вырваться не получится.

Он смотрит мне прямо в глаза.

И в этом взгляде голодное пламя.

— Значит, решила, что готова.

Сердце пропускает удар.

Он наклоняется.

На этот раз медленно, но без колебаний.

Дыхание сбивается.

Внутри все одновременно протестует и тянется к нему.

Он останавливается у самых губ.

И тихо говорит:

— В этот раз ты никуда не уйдешь.

Глава 13

— В этот раз ты никуда не уйдешь.

Слова падают между нами так спокойно, что на секунду я перестаю дышать.

Он не пугает меня голосом. Не давит силой. Только тем, что уже все решил.

Я чувствую его ладони на своей талии, жар его тела между моих коленей, тяжелое, ровное дыхание у самых губ. Внутри все сжимается в тугий узел — страх, злость, стыд, и что-то еще, от чего мне хочется провалиться сквозь этот стол.

— Вы... — начинаю я, но голос звучит жалко и тихо.

— Ты, — поправляет он негромко.

И наконец целует.

Резко. Жадно. Без нежности.

У меня перехватывает дыхание. На секунду я замираю, вцепившись пальцами в край стола, а потом сама не понимаю, в какой момент вместо того, чтобы оттолкнуть его, хватаюсь за ткань его рубашки. Будто это не он меня держит, а я пытаюсь удержаться за что-то в комнате, которая внезапно пошла кругом.

Поцелуй становится глубже. Требовательнее. От него кружится голова. От его ладони, которая скользит выше по спине, по коже под свитером, по тому, как легко он заставляет меня забыть, зачем я сюда вообще пришла.

Я должна остановить это.

Должна.

Но тело предает первым. Реагирует раньше мысли, раньше стыда, раньше здравого смысла. От этого становится страшно.

Его ладонь скользит по моей талии, сминая ткань, и меня будто прошивает током. Я вздрагиваю, а он отрывается от моих губ всего на секунду, чтобы посмотреть мне в лицо.

— Вот так, — произносит он хрипло. — Уже честнее.

Щеки пылают. Губы горят. Сердце бьется с такой силой, что я почти слышу его в ушах.

— Я... не... — пытаюсь что-то сказать, но он снова целует меня, и слова тонут.

На этот раз медленнее. Опаснее.

Мир сужается до его рук, до его губ, до того как близко он стоит. Я уже не слышу музыку из зала. Не думаю о Баратове. Не думаю ни о чем.

Это и есть самое унижительное.

То, как легко он вытесняет все остальное.

Его большие ладони скользят по обнажившейся полоске кожи на талии, и я невольно всхлипываю в поцелуй. Он замирает на секунду, словно прислушивается к этой реакции, а потом чуть сильнее прижимает меня к себе.

Его пальцы скользят ниже, под пояс джинсов, под тонкую ткань белья, и я резко втягиваю воздух, будто меня ударили под дых. Горячо. Слишком горячо. Я пытаюсь сжать бедра,

но его колено уже между ними, и он просто раздвигает их чуть шире, прижимая меня к столу так плотно, что я не могу даже пошевелиться.

— Не нужно... — вырывается у меня шепотом, но это уже не протест. Это мольба, которую я сама ненавижу.

Он не отвечает словами. Только низкий, почти рычащий звук у моего уха, и его пальцы находят то, что уже предательски влажно. Один уверенный, медленный круг — и я выгибаюсь, впиваясь ногтями в его плечи. Мир взрывается искрами. Он не торопится. Он изучает. Давит ровно там, где нужно, потом чуть глубже, проникая одним пальцем, потом двумя, и я уже не могу сдержать стон, который вырывается прямо ему в губы.

Он ловит его поцелуем. Глубже. Жестче. Его большой палец продолжает кружить снаружи, а те два внутри двигаются ритмично, точно, будто он знает мое тело лучше, чем я сама. Каждый толчок — как удар тока.

— Вот так... — шепчет он мне в губы, не отрываясь. — Чувствуешь, как ты меня сжимаешь? Уже вся моя.

Я хочу сказать, что нет, что я не его, что я сейчас оттолкну его и убегу, но вместо этого мои бедра сами начинают двигаться ему навстречу. Стыдно. Так стыдно. Но остановиться невозможно. Внутри все пульсирует, натягивается, как струна, готовая лопнуть. Его пальцы ускоряются — чуть быстрее, чуть глубже, и я уже задыхаюсь, вцепившись в него, как в спасательный круг.

— Не... не могу... — вырывается у меня между поцелуями, но он только улыбается в мои губы — я чувствую это кожей.

— Можешь. И сделаешь.

Он добавляет третий палец, и этого хватает. Волна накачивается внезапно, мощно, выбивая воздух из легких. Я кончаю так сильно, что в глазах темнеет, тело содрогается в его руках, а внутри все сжимается вокруг его пальцев снова и снова, будто никогда не остановится. Я всхлипываю, кусая собственную губу, чтобы не закричать, но он не дает мне спрятаться — прижимает ближе, не вынимая руку, продолжая медленно, почти ласково двигаться внутри, продлевая каждый толчок удовольствия, пока я не превращаюсь в дрожащую, мокрую, совершенно разбитую куклу у него на груди.

Он целует меня в висок, все еще держа пальцы глубоко внутри, и шепчет так тихо, что я едва разбираю:

— Хорошая девочка. Теперь дыши.

Его пальцы все еще внутри меня — медленно, почти лениво двигаются, выжимая последние сладкие спазмы. Я дрожу, прижатая к нему всем телом, и не могу даже поднять голову. Горло сухое. Губы распухшие. Между ног — сплошная влажная пульсация, и я знаю, что он это чувствует.

— Дыши, — повторяет он тише, и в голосе уже нет той насмешки. Только голод. — Сейчас я тебя возьму по-настоящему. Прямо здесь. На этом столе. Пока ты еще такая мяг-

кая и мокрая после меня.

Он начинает вытаскивать пальцы — медленно, будто не хочет отпускать, — и одновременно свободной рукой тянется к пуговице на моих джинсах. Я слышу, как он расстегивает молнию, и внутри снова все сжимается — уже не от страха, а от предвкушения, которое я ненавижу в себе. Его губы касаются моего уха, горячее дыхание обжигает:

— Раздвинь ноги шире. Я хочу, чтобы ты почувствовала каждый сантиметр...

И в этот момент — резкий, наглый звонок.

Телефон в его кармане вибрирует и орет, разрывая тишину кабинета. Он замирает. Я чувствую, как напрягаются мышцы под его рубашкой. Он тихо, зло выдыхает сквозь зубы, но не отстраняется сразу. Пальцы все еще на мне — один последний медленный толчок, будто он не может остановиться даже сейчас.

Звонок не умолкает. Громче. Настойчивее.

— Черт... — рычит он мне в шею. Голос низкий, пропитанный раздражением и все тем же желанием. — Не двигайся.

Он вытаскивает руку из моих джинсов, и я невольно выдыхаю — полустон, полувсхлип. Его пальцы блестят от меня. Он смотрит на них секунду, потом вытирает о мою обнаженную кожу на животе — медленно, будто ставит метку. Достает телефон, смотрит на экран. Лицо меняется. Жестче. Холоднее.

Я сижу на столе, задыхаясь, с пылающими губами и дурацким ощущением, что меня только что выдернули из чего-то слишком опасного и желанного.

Он слушает молча.

Лицо меняется почти незаметно — сначала раздражение, потом холодная сосредоточенность. Его взгляд поднимается на меня.

И в следующую секунду я понимаю: что-то пошло не так. Совсем не так.

— Понял, — бросает он в трубку и отключается.

Пауза тянется слишком долго.

Он смотрит на меня уже иначе. Не как минуту назад. Не как на женщину. Как на проблему.

От этого внутри все падает.

— Была у Баратова? — спрашивает он спокойно.

Сердце делает такой удар, что я почти сгибаюсь пополам. Я не отвечаю.

Не потому что хочу соврать. Просто в горле внезапно пусто.

Он криво усмехается, и от этой усмешки становится по-настоящему страшно.

— Сколько он тебе заплатил?

— У меня не было выбора, — вырывается быстрее, чем я успеваю придумать что-то умнее. — Он...

— Сколько? — перебивает он тихо.

Я сглатываю.

— Это не так, как вы думаете.

И сама слышу, насколько жалко это звучит.

Ржавый отступает на шаг. Потом еще на один. Словно я стала чем-то грязным, к чему больше не хочется прикасаться.

— Я бы заплатил больше, — произносит он ровно.

Слова бьют сильнее пощечины.

Я открываю рот.

Ничего не выходит.

— Пошла вон.

В комнате становится так тихо, будто клуб за стеной выключили.

Я медленно сползаю со стола. Ноги подкашиваются. Пальцы дрожат, когда я одергиваю свитер и пытаюсь привести себя в вид, который хотя бы отдаленно напоминает нормальный.

Он больше на меня не смотрит.

Отворачивается к окну. Будто меня уже нет.

Я делаю шаг к двери. Потом еще один. Рука ложится на холодную ручку.

Ни одного слова вслед.

Ни одного взгляда.

В коридоре меня накрывает сразу.

Я прислоняюсь спиной к стене и только тогда понимаю, что у меня дрожат не только руки — все тело. В глазах жжет. От злости. От унижения. От того, как быстро все переверну-

лось.

Минуту назад мне казалось, что он не отпустит.

Теперь — что вышвырнул без сожаления.

Я закрываю глаза.

Дело провалено.

Ничего про человека с фото я не узнала. Баратов ждет результата. А у меня его нет.

Слезы выступают неожиданно, горячо и зло. Я быстро стираю их ладонью.

Не сейчас.

Не здесь.

Глава 14

Музыка из зала глухо бьет через стены. Свет в коридоре холодный, почти больничный. Я чувствую себя так, будто меня только что вытащили из воды: все тело дрожит, дыхание рвется, а в голове шум.

Губы все еще горят.

Я машинально провожу по ним пальцами и тут же отдергиваю руку, будто это может стереть то, что только что произошло.

— Пошла вон.

Слова снова всплывают в голове.

Я резко выдыхаю и заставляю себя двигаться. Ноги немного подкашиваются, но я держусь за стену и бреду по коридору.

В зал идти не хочется.

Там свет, люди, музыка. Там придется делать вид, что со мной все нормально. А я сейчас развалюсь прямо на середине танцпола.

Я уже выбегала отсюда однажды.

Тогда я нашла запасной выход.

В памяти всплывает темный коридор, металлическая дверь и холодный воздух улицы. Я сворачиваю туда, почти не думая.

Коридор пустой. Лампочки под потолком тускло гудят.

Я иду быстрее.

С каждым шагом злость поднимается все выше.

Сначала тихо, почти незаметно. Потом сильнее.

Он не имел права.

Ни так говорить. Ни так смотреть. Ни... ни делать со мной все это, а потом вышвыривать, будто я просто мусор.

Я останавливаюсь почти у самой двери запасного выхода.

Рука уже тянется к ручке.

И вдруг я понимаю, что ухожу.

Просто ухожу.

Как побитая собака.

Злость вспыхивает так резко, что у меня перехватывает дыхание.

Нет.

Так нельзя.

Я разворачиваюсь.

Если уж он решил унижить меня окончательно, пусть хотя бы услышит, что я думаю.

Я иду обратно к коридору с кабинетами. Сердце колотится быстро, но теперь уже не от стыда.

От злости.

От желания хоть раз сказать ему все в лицо.

Я почти дохожу до поворота, когда слышу шаги.

Инстинкт срывает раньше мысли.

Я замираю и отступаю к стене.

Из зала в коридор выходит мужчина.

И у меня внутри все холодеет.

Я узнаю его сразу.

Тот самый.

Мужчина с фотографии.

Он идет спокойно, будто это его место. Высокий, уверенный. Плечи широкие, движения точные и неторопливые.

Он направляется прямо к кабинету Ржавого.

Я прижимаюсь к стене так сильно, что холод бетона пробивается сквозь тонкую ткань свитера.

Дверь кабинета открывается.

Ржавый стоит в проеме.

— Рома, заходи, — говорит он спокойно.

Имя звучит четко.

Мужчина уже делает шаг внутрь.

И вдруг останавливается.

Медленно поворачивает голову.

В сторону коридора.

У меня сердце подпрыгивает к горлу.

Я не двигаюсь.

Даже дышать стараюсь тише.

Секунда.

Вторая.

Он смотрит в полутемный коридор, будто пытается что-то разглядеть.

Потом чуть пожимает плечом и заходит в кабинет.

Дверь закрывается.

Я стою еще пару секунд, пока сердце не начинает биться слишком громко.

И только потом срываюсь с места.

Теперь уже не иду — почти бегу.

К запасному выходу.

Дверь скрипит, когда я выталкиваю ее наружу. В лицо сразу бьет холодный ночной воздух. Я жадно вдыхаю его, будто только что вынырнула из глубины.

Ноги сами несут меня прочь от клуба.

Я почти не помню, дорогу до метро.

В голове крутится только одно слово.

Рома.

Дома тихо.

Маринки нет, свет в кухне выключен. Я закрываю за собой дверь, скидываю куртку и почти сразу открываю ноутбук.

Экран загорается холодным светом.

Пальцы сами набирают в поиске имя.

Сначала — Ржавый.

Статьи, слухи, какие-то старые криминальные заметки. Я листаю быстро, почти не читая. Это я уже видела.

Потом перехожу на другую вкладку.

Савины.

Фамилия появляется сразу в десятках ссылок.

Бизнес. Девелоперские проекты. Скандалы. Старые интервью.

Я кликаю одну из статей.

Роман Савин.

Фотография открывается медленно.

На экране мужчина лет сорока. Четкий профиль. Широкие плечи. Тот самый уверенный взгляд людей, которые призывали, что их слушают.

Я смотрю на фото.

Потом закрываю глаза.

И пытаюсь вспомнить того, кого видела в коридоре.

Лицо другое.

Совсем другое.

Но...

Я увеличиваю фотографию.

Плечи.

Посадка головы.

Манера держаться.

В груди появляется неприятное ощущение.

Будто пазл пытается сложиться, но я еще не вижу всей картинки.

Я открываю другую статью.

Заголовок сразу бросается в глаза.

Гибель Романа Савина.

Дата.

Несколько месяцев назад.

Я медленно читаю текст.

Авария.

Тело опознано.

Похороны.

Я откидываюсь на спинку стула.

В комнате тихо. Только ноутбук тихо гудит.

Перед глазами снова всплывает коридор клуба.

Мужчина.

Его шаги.

И голос Ржавого:

— Рома.

Я снова смотрю на фотографию на экране.

И вдруг ловлю себя на мысли, от которой по спине проходит холод.

А что, если...

Я резко выпрямляюсь.

Это невозможно.

Но...

Если тот человек в клубе действительно Роман Савин...

Я медленно закрываю статью.

Внутри поднимается знакомое чувство.

Не страх.

Азарт.

Тот самый, из-за которого я когда-то пошла в журналистику.

Если это правда — это не просто история.

Это бомба.

Сенсация.

Я смотрю на экран и тихо говорю сама себе:

— А что, если ты не умер...

Глава 15

Я почти не сплю.

Проваливаюсь на час, максимум на два, и снова открываю глаза — в темноту, в потолок, в одну и ту же мысль, которая не отпускает.

Роман Савин.

К утру она не становится тише. Только четче.

Если это правда, если он жив, я должна это доказать. Не для Баратова. Для себя.

Офис Савиных видно издалека: стекло, металл, люди в дорогих костюмах, которые не смотрят по сторонам. Я стою через дорогу, делаю вид, что листаю телефон, и чувствую себя лишней. Слишком заметной для этого места.

Плана нет.

Зайти внутрь? Меня не пустят.

Ждать? Кого?

Я уже почти разворачиваюсь, когда вижу его.

Сначала — просто силуэт. Чуть в стороне от входа. Не под козырьком, не у дверей. Дальше.

Я присматриваюсь.

Он.

Стоит спокойно, будто никуда не спешит. Не смотрит в телефон. Просто ждет.

Это странно для человека, который по идее работает в

этом месте.

Я делаю шаг ближе, прячась за припаркованной машиной.
Отсюда видно лучше.

Лицо — не то.

Совсем не то, что на фото годичной давности.

Но...

Плечи.

Посадка головы.

Как он держит спину, как переносит вес с ноги на ногу —
без суеты, без лишних движений.

У меня внутри неприятно холодеет.

Пазл не складывается. Но и не разваливается.

Я не успеваю додумать.

Двери офиса открываются.

Из здания выходит Ржавый.

Я узнаю его сразу — по походке, по тому, как он держит-
ся, как двигается среди людей, будто пространство само под
него подстраивается.

И в следующую секунду меня накрывает вчерашним. Его
ладони. Жар. То, как легко я перестала сопротивляться. У
меня мгновенно пересыхает во рту.

Он не оглядывается. Идет быстро, по делу.

Прямо к тому месту, где стоит мужчина.

Я замираю.

Они еще не рядом. Между ними несколько метров. Но в
этом расстоянии уже есть напряжение, которое я почти фи-

зически чувствую.

И в этот момент подъезжает машина.

Та самая.

Я узнаю ее раньше, чем успеваю подумать.

Тело реагирует быстрее.

Сердце сбивается.

Двери открываются.

Выходят двое.

Те же.

Я их помню.

Они везли меня.

Все внутри сжимается.

Они подходят к Ржавому. Спокойно. Без спешки.

Никто не кричит. Не хватается за оружие.

Один что-то говорит. Я не слышу слов, только вижу движение губ.

Ржавый замирает на секунду.

Смотрит на них.

Коротко.

Как будто уже понял.

Они не прикасаются к нему.

Просто ждут.

Я чувствую, как внутри поднимается паника.

Это из-за меня.

Из-за тех фото.

Я делаю шаг вперед.

Потом еще.

Надо что-то сделать. Сказать. Предупредить.

Почти выхожу из-за машины.

И тут меня хватают.

Пальцы сжимаются на запястье.

Я вздрагиваю и останавливаюсь так резко, будто врезалась в стену.

Дыхание сбивается.

Я поворачиваюсь.

Роман Савин.

Вблизи он кажется еще... спокойнее.

Собраннее.

Никакого удивления или вопроса в глазах.

Он знал, что я здесь. Заметил.

Я дергаю руку.

— Пустите...

Голос выходит тихо и неровно.

Он не отпускает.

Даже не усиливает хватку.

Просто держит.

За его плечом я вижу, как Ржавый делает шаг к машине.

Не сопротивляется.

Но и не выглядит покорным.

На секунду его взгляд скользит в нашу сторону.

Мне кажется — он меня видит.

Я снова дергаюсь.

— Надо...

Слова путаются.

Глупо. Поздно. Но я все равно пытаюсь.

Роман делает едва заметное движение — и я оказываюсь ближе к нему.

— Не лезь, — раздается хриплый голос у моего уха.

Холод пробегает по спине.

Он смотрит на меня спокойно.

Сверху вниз.

И в этом взгляде нет ни спешки, ни тревоги.

Только контроль.

Глава 16

— Вы же видели!

Голос срывается. Жалко. Нервно. Чересчур громко для этой холодной улицы.

Мужчина смотрит на меня сверху вниз. С тем ровным, почти ленивым вниманием, от которого хочется встряхнуть за плечи.

— Видел, — отвечает он.

И ничего больше.

Слово бьет сильнее, чем если бы он начал оправдываться.

За его плечом хлопает дверца машины. Я дергаюсь всем телом. Поздно. Машина уже трогается. Черная, глухая, безлика. Скользит от тротуара и вливается в поток, будто ничего особенного не произошло.

На секунду мне кажется, что Ржавый все-таки посмотрел сюда перед тем, как сесть. Не на Савина. На меня.

Может, показалось.

Просто хочется думать, что он меня заметил.

— Надо... — снова вырывается у меня, но сама не знаю, что собираюсь сказать. Догнать? Кого? Машину? Баратова? Собственную глупость?

Мужчина чуть сильнее давит на мое запястье. Ровно настолько, чтобы я замолчала.

— Это не твоя игра, — произносит он с нажимом.

У меня внутри будто что-то переворачивается.

Не твоя игра.

Сначала Баратов. Потом Ржавый. Теперь этот.

Каждый считает, что может решать за меня, куда мне лезть, а куда нет.

Я резко дергаю руку — безуспешно.

— А чья? — спрашиваю зло. — Ваша?

На мгновение мне кажется, что в его глазах мелькает что-то похожее на интерес. Или я уже начинаю видеть то, чего нет.

Шум улицы возвращается рывком. Сигналит машина на перекрестке. Кто-то смеется на другой стороне дороги. Мимо проходят люди — дорогие пальто, папки, кофе в стаканчиках. Для них все по-прежнему. Привычное утро. Обычная улица.

Только у меня под кожей все еще бьется паника.

Он отпускает мое запястье.

Так просто, что я не сразу понимаю. Кожа под его пальцами будто еще помнит давление. Я машинально прижимаю руку к себе.

Он не уходит. Просто стоит и смотрит еще секунду.

— Иди, — говорит наконец.

Без угрозы. Распоряжение, которое даже не требует повторения.

Я не двигаюсь.

Потому что не могу.

В голове с бешеной скоростью крутится одно и то же: куда его повезли? Сколько у меня времени? И что, черт возьми, я вообще могу сделать?

Он будто читает часть этих мыслей по лицу.

— Не делай глупостей, — произносит глухо.

Я почти смеюсь.

Слишком поздно для такого совета.

Он разворачивается первым. Идет прочь ровным шагом, будто ничего не произошло. Словно не он только что удерживал меня, пока на наших глазах увозили человека, которого я... которого я вообще не должна была пытаться спасти.

Я смотрю ему вслед до тех пор, пока он не скрывается из вида.

Только тогда делаю вдох.

И понимаю, что дрожу.

Не от холода.

От бессилия.

И мысль приходит вдруг очень четко.

Я знаю, куда его могут повезти.

Меня в тот дом уже возили.

Помню маршрут не головой — телом. Повороты. Двор. Серый фасад. Запах внутри. Коридор.

Это безумие.

Абсолютное.

Я не знаю, что сделаю, если приеду туда. Не уверена даже, жив ли вообще Ржавый.

Но ноги уже несут меня к метро.

В вагоне тепло. Люди вокруг уткнулись в телефоны, кто-то читает новости, кто-то дремлет, а я сижу, сцепив руки так сильно, что белеют костяшки.

Каждая станция тянется дольше, чем должна.

Я пытаюсь убедить себя, что это идиотизм. Что я лезу туда, куда нормальные люди не полезли бы даже за большие деньги. Баратов не шутил. А Савин не просто так велел уходить.

Не помогает.

Перед глазами снова и снова всплывает машина. Спокойные люди Баратова. Ржавый, который не сопротивляется открыто. И взгляд — короткий, почти неуловимый.

Если он вообще был.

На нужной станции я выхожу так быстро, что едва не задеваю женщину с пакетом. Та бросает мне вслед что-то раздраженное, но я уже лечу по лестнице вверх.

Воздух на улице сырой, тяжелый. Серый двор встречает меня так же, как тогда, будто ничего не изменилось. Те же облупленные стены соседнего дома. Голые ветки. Машины, припаркованные кое-как.

Только теперь я иду сюда сама.

И сердце стучит уже не в горле — где-то под самой кожей.

Я не подхожу к подъезду. Останавливаюсь за углом соседнего дома и смотрю.

Тихо.

Во дворе нет ни суеты, ни людей. Никаких черных костюмов, охраны и видимых признаков того, что сюда только что привезли человека против его воли.

Может, я ошиблась. Перепутала место или просто окончательно сошла с ума.

Делаю шаг вперед. Потом еще один. Медленно. Стараясь не шуметь, хотя сама понимаю, насколько это смешно. Если здесь кто-то есть, меня заметят и так.

Подъезд уже совсем близко. Тот самый. Серый, безликий, с облезлой дверью и мутным стеклом.

Я останавливаюсь.

Что дальше?

Позвонить?

Зайти?

Спрятаться и ждать?

Ни одного нормального ответа.

В груди неприятно ноет.

Я всматриваюсь в окна второго этажа. Потом третьего. Ничего. Ни движения, ни света, ни тени.

Тишина давит все сильнее.

И именно поэтому первый звук бьет по нервам так, что я вздрагиваю всем телом.

Хлопок.

Резкий. Короткий.

Я застываю.

Мозг еще секунду цепляется за что угодно: дверь, петарда,

стройка, выхлоп.

Потом доносится второй.

Чуть тише. Но теперь уже без вариантов.

У меня внутри все обрывается.

Нет.

Нет, нет, нет.

Я не думаю — тело решает раньше.

Делаю шаг к подъезду.

И останавливаюсь. Ровно на вдохе.

Потому что если это действительно было то, о чем я думаю, то за этой дверью уже все изменилось.

А я все еще стою снаружи.

Глава 17

Если сейчас развернусь и уйду, еще можно будет сделать вид, что я ничего не слышала и не видела. Последовать доброму совету Ржавого и не лезть, куда не просят.

Но я уже слишком далеко зашла для благоразумных мыслей.

Подхожу ближе. Дверь подъезда прикрыта не до конца. Будто кто-то вошел в спешке и не стал тратить секунду на лишнее движение.

Я тяну ее на себя.

Внутри темно, сыро. Пахнет пылью, старой краской и чем-то металлическим, едва уловимым. Лампочка над лестницей мигает, как будто вот-вот сдохнет. Подъезд выглядит так, словно здесь уже лет десять никто не живет, хотя я слишком хорошо помню этот дом. Лифт. Коридор. Комната, где Баратов смотрел на меня со своей спокойной уверенностью.

Я закрываю дверь почти бесшумно.

Тишина давит.

Потом из глубины дома доносится звук. Не выстрел. Уже нет. Голоса. Тихие, приглушенные стенами. Кто-то говорит коротко, быстро. Второй отвечает. Я не разбираю слов, только интонации. Спокойные. Деловые.

Будто там не происходит ничего страшного.

Стою еще секунду, пытаюсь заставить себя думать. Если

Ржавого привезли сюда, он где-то внизу. Или наверху. Или уже поздно. И я вообще не понимаю, зачем пришла. Что собираюсь делать. Кричать? Вызвать полицию? Спасать взрослого мужика от людей, которые без колебаний сунули меня в машину и привезли на разговор?

Бред.

Но ноги уже несут меня дальше.

Я спускаюсь по лестнице медленно, стараясь не стучать каблуками по ступеням. Пальцы скользят по холодным перилам. Сердце бьется так громко, что кажется, его слышат даже внизу. С каждым шагом голоса становятся четче.

Мужские.

Спокойные.

И ни одного знакомого.

На площадке подвала темнее, чем наверху. Из-за угла падает узкая полоска света. Дверь там приоткрыта. Я останавливаюсь, чувствуя, как в горле пересыхает.

Лучше уйти.

Прямо сейчас, пока еще не поздно.

Но вместо этого подхожу к двери и замираю у щели, не сразу решаясь заглянуть.

Сначала вижу светлый бетонный пол.

Потом чужие ноги. Дорогие ботинки. Темные брюки. Чья-то рука с часами.

Слишком неподвижная фигура на полу.

Крови немного. Во всяком случае, меньше, чем я ожида-

ла бы от такого хлопка. Темное пятно под плечом, еще одно ближе к боку. Мужчина лежит лицом в сторону, и я не сразу понимаю, жив он или нет. Лицо бледное. Неестественно спокойное. Как у всех, кто уже ничего не чувствует.

У меня внутри окончательно холодеет. Паника сдавливает дыхание.

Я машинально ищу глазами Ржавого.

У стены. Среди тех, кто стоит вокруг.

Его здесь нет.

Странное, дикое облегчение накрывает первым — и сразу же сменяется новой мыслью. Если его тут нет, то где он? Уже увезли? Не сюда? Или...

Я не успеваю додумать.

Один из мужчин чуть сдвигается в сторону, и я вижу Баратова.

Он стоит у дальней стены, без пальто, в темной рубашке, с тем же спокойным лицом, будто находится не рядом с телом, а на обычной деловой встрече. Кто-то говорит ему что-то вполголоса. Он слушает. Кивает.

Потом поднимает глаза.

И смотрит прямо на меня.

У меня не остается даже секунды на надежду, что он не заметил.

Взгляд не меняется. Ни удивления. Ни злости. Если бы он рванулсЯ ко мне, заорал, приказал схватить — было бы проще.

А он просто смотрит.

Мне кажется, он даже слегка склоняет голову. Или это уже от паники все плывет перед глазами.

Я отшатываюсь от двери.

Поворачиваюсь и бегу обратно к лестнице, уже не заботясь о тишине. Сердце лупит в ребра. Легкие горят. За спиной раздаются шаги, окрик.

Я вылетаю из подъезда на улицу и только там понимаю, что дрожу так, будто меня трясут изнутри. Холодный воздух хлещет по лицу. Во дворе все так же тихо. Пустые лавки, облупленные стены, чужие машины.

Как будто в подвале дома не лежит труп.

Не останавливаясь ни на секунду, несусь к арке, пока дом не исчезает из поля зрения. И только тогда позволяю себе остановиться.

Меня тошнит.

По-настоящему.

Я упираюсь ладонью в холодную стену и сглатываю. В голове шумит. Мысли рвутся, как мокрая бумага.

Он меня видел.

Это уже не журналистские задания. Не игра в вопросы и компромат.

Я видела то, чего видеть не должна.

Телефон вибрирует в кармане так резко, что я вздрагиваю всем телом.

Неизвестный номер.

Я смотрю на экран несколько секунд, не решаясь открыть.
Потом все-таки нажимаю.

Сообщение короткое.

“Не усложняй. Приходи сама.”

И больше ничего.

Ни имени. Ни подписи.

Но мне и не нужно.

Я почти смеюсь. Нервно. Беззвучно. Что еще остается?

Пальцы стискивают телефон.

Домой нельзя.

Эта мысль приходит сразу, без обсуждения. Слишком предсказуемо. Если Баратов смог узнать про мои финансовые проблемы, то адрес он узнает и подавно.

К Мишке? Подставить еще и его?

В полицию? И что я скажу? Что полезла в дом, где меня вообще не должно было быть, и увидела труп человека рядом с тем, с кем у меня уже был мутный контакт через посредника?

Меня либо не послушают, либо допросят слишком внимательно.

Я опускаю взгляд на телефон.

Больше ничего.

Запихиваю аппарат обратно в карман и иду, не выбирая направление. По незнакомым улицам, среди равнодушных людей, что живут своей обычной жизнью и не обращают на меня внимания.

Сама не замечаю, как ноги несут меня к знакомому месту. Музыку слышу раньше, чем вижу вывеску.

Оникс.

Останавливаюсь напротив клуба и долго смотрю на темный вход.

Смешно.

Еще вчера я хотела держаться отсюда как можно дальше. Сегодня это единственное место, куда я могу пойти.

Я еще не знаю, что скажу Ржавому, но уверена он единственный, кто смог бы помочь.

Глава 18

У входа в «Оникс» все как всегда: свет, музыка, дорогие машины, лица, у которых никогда не бывает растерянного вида. Только внутри у меня — пустота, в которой все еще звенят те два хлопка, темный подвал и спокойный взгляд Баратова.

На секунду кажется, что если простоять здесь достаточно долго, решение появится само. Глупость. Решения давно закончились. Остались только плохие варианты.

Охранник узнает сразу. По лицу видно: вспомнил.

— Вам нельзя, — произносит он ровно, когда я подхожу ближе.

— Мне нужно к нему.

— Без записи — нет.

— Это срочно.

Второй охранник скользит по мне взглядом — от растрепанных волос до куртки, которую я даже не застегнула как следует. Вид у меня, наверное, такой, будто только что выбралась из аварии. Или из кошмара.

— Его нет на месте, — добавляет первый. — Приходите завтра. Через секретаря.

Хочется рассмеяться ему в лицо. Или ударить. А еще лучше спросить, как выбрать окно для секретаря между похищениями, трупами и угрозами. Но сил хватает только на ко-

роткий выдох.

— Мне, правда, надо...

— Девушка, — перебивает он уже жестче. — Сегодня не выйдет.

За спиной кто-то смеется, щелкает зажигалка, мимо проходят две девушки на высоченных каблуках. Для них ночь — время для развлечений. Для меня она уже давно стала чем-то другим.

Приходится отступить. Не пустят. Хоть стой до утра, хоть кричи.

Музыка изнутри бьет в грудь глухим пульсом, а время начинает тянуться вязко и медленно. Минуты идут, сменяются машины, посетители, охранники у двери. Кто-то заходит, другие выходят, а я остаюсь на месте, будто если шевельнуться — рухнет последняя опора.

Домой нельзя.

К Мишке нельзя.

В полицию — тем более. Стоит представить допрос, и внутри все скручивает еще сильнее. Вопросы. Адрес. Подвал. Баратов. Имя Романа Савина. Все это звучит как бред сумасшедшего, в который никто не поверит, пока не станет слишком поздно.

Пальцы мерзнут даже в карманах. Ноги гудят. Адреналин давно схлынул, оставив после себя дрожь, слабость и тупую боль под ребрами. Кажется, еще немного — и сяду прямо на бордюр.

Почти решаю уйти.

Не домой — просто куда угодно. В круглосуточное кафе, на вокзал, хоть в метро до закрытия кататься. Лишь бы не стоять здесь, как дура, цепляясь за надежду, что он все-таки придет.

В этот момент у тротуара тормозит машина.

Не слишком резко. Просто подъезжает и останавливается. Фары режут глаза, потом гаснут. Темное окно медленно опускается.

— Садись.

Голос узнаю раньше лица.

Первым накрывает облегчение — короткое, почти болезненное. Следом приходит холод. Потому что в этом «садись» нет ни радости, ни вопроса. Только приказ.

Дверца открывается.

Салон пахнет кожей и его парфюмом — тем самым, от которого у меня уже выработалась слишком быстрая, предательская реакция. Колени дрожат, когда опускаюсь на сиденье.

— Я была у...

— Помолчи.

Сказано негромко. Но спорить почему-то желания не возникает.

Машина трогается.

За окном плывут вывески, светофоры, тени людей. Внутри — тишина. Только ровное урчание мотора и мое соб-

ственное дыхание, которое никак не хочет успокаиваться. Ладони вспотели. Приходится сцепить пальцы на коленях, чтобы не выдать, как сильно трясет.

Он ведет собранно. Профиль жесткий, сосредоточенный. Ни одного лишнего движения. Ни одного взгляда в мою сторону.

— Люди Баратова были у офиса, — не выдерживаю наконец. — Я видела...

— Я сказал молчать.

Голос остается тем же, но теперь в нем появляется что-то резкое. Раздражение? Нет. Скорее контроль на пределе.

Приходится прикусить язык.

Молчание тянется еще несколько кварталов. Этого хватает, чтобы страх успел вернуться, стать яснее и глубже. Подвал. Тело на бетонном полу. Взгляд Баратова. Сообщение на экране. Все это снова встает перед глазами, и становится трудно вдохнуть полной грудью.

— Ты знаешь, что произошло, — произношу тихо. — Ведь так.

Челюсть у него напрягается.

— Знаю достаточно, чтобы понимать: ты снова влезла туда, куда тебя не просили.

— А что мне оставалось? — вырывается слишком резко. Он усмехается. Коротко. Без веселья.

— Поэтому пришла ко мне.

Слова застревают в горле.

Это правда, больше идти некуда.

От одной мысли о собственной квартире меня мутит, а имя Баратова отзывается внутри животным ужасом.

Машина сворачивает с основной дороги во двор. Незнакомый. Тихий. Без вывесок и света витрин. Обычный дом, который ничем не отличается от десятков таких же — и именно это пугает сильнее клуба, охраны или черных машин.

— Куда мы приехали? — спрашиваю несмело, пока внутри поднимается паника.

— Туда, где ты не наделаешь еще глупостей.

Глава 19

Пальцы сжимаются сами собой.

Он выходит первым. Обходит машину, открывает мою дверь. Хочется упереться, остаться на месте, сделать хоть что-то наперекор. Но тело устало сильнее, чем гордость.

Мы заходим в подъезд. Тут тепло и чисто. Лифт, коридор, ключ в замке. Ни суеты, ни свидетелей. Квартира огромная, оформлена под открытый лофт, но мне не до дизайна.

Дверь за спиной закрывается. Щелчок негромкий.

Внутри все сжимается.

Свет в прихожей мягкий. Полутени. Тишина. Ни музыки, ни чужих голосов, ни шума улицы — будто город остался за сотни километров.

— Снимай куртку, — приказывает он, бросая ключи на консоль.

— Я не останусь.

Фраза звучит слабее, чем хотелось бы.

Он поворачивается ко мне медленно. Смотрит так, что остаток воздуха застревает в груди.

— Останешься.

Ни спора. Ни объяснений.

— У меня нет причин вам верить.

— А у меня нет причин отпускать тебя обратно на улицу.
После всего, что ты натворила, думаешь, я для разговоров

тебя сюда привез?

Жар поднимается к лицу. О последней фразе стараюсь вообще не думать.

— Натворила?

— Связалась с Баратовым. Следила за мной. И напоследок притащилась в клуб. — Он делает шаг ближе. — Продолжать?

Отступить некуда. За спиной уже стена прихожей. Дистанция между нами съезживается до опасной, знакомой близости. И вместе со страхом приходит другое — то, что я больше всего ненавижу в себе рядом с ним. Тот самый предательский отклик, который не вовремя просыпается в теле и все только усложняет.

Он замечает.

— Ты дрожишь, — произносит тихо.

— От злости.

— Ври кому-нибудь другому.

Пальцы касаются подбородка. Легко. Но в этом касании больше контроля, чем в любой силе. Он приподнимает мое лицо, заставляя смотреть прямо на него.

— Слушай внимательно. Сейчас ты пойдешь в душ. Потом запрыгнешь в постель, и я посмотрю, как быстро ты перестанешь спорить.

— Вы не можете...

— Еще как могу, и ты скоро сама в этом убедишься.

От его слов к горлу поднимается желчь.

— Вы думаете, я просто соглашусь?

Он наклоняется ближе. Настолько, что снова чувствую его дыхание. Почти как тогда. В клубе. До поцелуя. До унижения. До всего, после чего к нему стоило бы испытывать только ненависть.

— Нет, — говорит он спокойно. — Я думаю, ты сама ко мне потянешься.

И вот теперь в голосе впервые звучит что-то по-настоящему жесткое.

— Потому что пока ты рядом со мной, тебя хотя бы не пристрелят в подворотне за длинный язык и глупое любопытство.

Сердце сбивается.

Внутри все протестует. Хочется спорить, кричать, ударить его, уйти, исчезнуть. Только идти некуда. И все, что у меня осталось, — этот человек, которого стоило бы бояться не меньше других.

Он убирает руку от моего лица так же спокойно, как коснулся.

Будто уже получил все, что хотел.

И это злит сильнее, чем его слова.

— Я не вещь, — вырывается резко.

Он усмехается. Чуть.

— Правда?

Пауза повисает между нами тяжелая, вязкая.

Он не повышает голос. Не давит. Просто стоит слишком

близко, и от этого пространство становится меньше. Воздуха — тоже.

— Тогда ведешь себя странно, — добавляет он тихо.

Я сжимаю кулаки.

— Я не знала, чем все это закончится. Меня попросили сделать несколько фотографий. Только и всего.

— А в тот дом к Баратову ты приехала не сама? — спокойно.

Он делает шаг в сторону, обходит меня, как будто я уже часть этого пространства. Как мебель, которую не хочется отодвигать.

Слова бьют точно.

Я резко оборачиваюсь.

— Я думала, что он увез туда тебя.

— Думала, — перебивает он. — И полезла.

— Я не знала, что там будет, — говорю уже тише.

— Конечно.

Он подходит ближе. На этот раз медленнее.

— Ты вообще ничего не знаешь, Антонина.

Имя звучит иначе, чем раньше. Жестче.

— Зато видела достаточно, чтобы стать проблемой.

Холод проходит по позвоночнику.

— Ты думаешь, он меня не отпустит? — спрашиваю почти шепотом.

Он не отвечает сразу.

Смотрит.

Слишком внимательно.

— Думаю, — произносит наконец, — он уже решил, что с тобой делать.

Сердце пропускает удар.

— И что?

Он склоняет голову чуть вбок.

— Вопрос в том, успею ли я сделать это раньше.

Воздух застревает в горле.

— Вы... — слова путаются. — Вы хотите меня использовать.

— Уже использую.

Без паузы. Без смягчения.

Он подходит вплотную. Настолько, что я чувствую тепло его тела сквозь одежду. Руки остаются при нем, но это даже хуже. Потому что он не держит — и все равно некуда деться.

— Разница в том, — продолжает он тихо, — что я хотя бы не делаю вид, что ты мне безразлична.

Щеки вспыхивают.

Злость. Стыд. И что-то еще, от чего хочется отвернуться.

— Это не значит, что я соглашусь, — говорю, пытаюсь удержать голос ровным.

Он смотрит на меня пару секунд.

Потом вдруг отступает.

Резко.

Как будто обрывает что-то внутри себя.

— Иди в душ.

Я не двигаюсь.

— Я серьезно, — добавляет он, уже другим тоном. Холоднее. — От тебя пахнет страхом и дешевыми духами. Меня это раздражает.

Глава 20

Несколько секунд я просто стою, вцепившись в край раковины, будто без этой опоры меня поведет в сторону. В голове шумит. Слишком много всего сразу. Подвал. Бетонный пол. Темное пятно под плечом. Спокойный взгляд Баратова. И вот теперь квартира Ржавого.

Колени подламываются неожиданно. Приходится медленно сползти вниз, прямо на холодную плитку.

Здесь тихо. Где-то в трубе шумит вода, и от этого бытового, обычного звука становится особенно страшно. Как будто мир вокруг не заметил, что несколько часов назад я вляпалась в такое, после чего уже не вернуться.

Ладони закрывают лицо сами собой.

Перед глазами все равно подвал.

Не весь. Кусками. Светлая полоса из-под двери. Чужие ботинки. Чья-то рука с часами. Доказательство того, что Баратов не просто пугает.

Желудок снова скручивает. Приходится глубоко вдохнуть, потом еще раз.

Взгляд поднимается к зеркалу.

Из него смотрит кто-то чужой. Лицо бледное, на щеке грязный след, под глазами серые тени, волосы сбились в мокрые пряди. В отражении больше нет ничего от девушки, которая еще вчера думала про фотографии, светские скандалы

и шанс пробиться повыше.

Пальцы сами тянутся к щеке. На коже остается грязный след.

Вот тогда я наконец включаю воду.

Сначала просто стою под душем. Горячая вода бьет по плечам, стекает по спине, по груди, по животу. Пар быстро заполняет тесное пространство, прячет зеркало, стирает отражение. Хорошо. Не хочу смотреть на себя.

Потом этого становится мало.

Мочалка царапает кожу. Гель пенится слишком сильно. Ладони скользят по рукам, шее, животу с почти злым усердием. Стереть. Смыть. Запах подвала. Чужой взгляд. Его голос. Свой страх. Тяну себя по коже так, будто под ней сидит все это, и если постараться сильнее, оно сойдет вместе с мылом.

Через несколько минут кожа уже горит от горячей воды, а внутри все то же самое. Холодно. Грязно. Страшно.

Приходится выключить душ просто потому, что сил больше нет.

Полотенце цепляется за влажное тело, одежда натягивается обратно — та же самая, мятая, чужая на ощупь. Волосы сырые, пальцы дрожат, пока я застегиваю пуговицы. Возвращаться в комнату не хочется. Там он. И это, как ни странно, пугает уже не меньше, чем мысль о Баратове.

Но оставаться в ванной вечно не получится.

Дверь открывается медленно.

Полутемная гостиная встречает тишиной. Ржавый на диване. Развалился так, будто находится не в эпицентре чужого кошмара, а у себя в обычный вечер. Одна рука лежит на спинке, в другой стакан с янтарной жидкостью. Взгляд скользит по мне без спешки. От мокрых волос — к лицу, к тонкой ткани прилипшей блузки, к босым ступням.

Ни удивления. Ни жалости.

Только внимание.

— Иди сюда, — говорит он спокойно.

Голова качается сама собой.

В горле уже стоит ком, и это злит. Не хочу плакать перед ним. Не хочу вообще ничего ему показывать.

— Ты не понимаешь, — выдавливаю хрипло. — Он убил человека.

Ржавый молчит секунду.

Потом ставит стакан на столик рядом.

— Знаю.

От этого слова внутри что-то ломается окончательно.

Я смотрю на него, не сразу веря.

— Что?

— Знаю, — повторяет он ровно.

Ни попытки успокоить. Ни фальшивого «тебе показалось». Ни одной спасительной глупости, за которую можно было бы зацепиться.

Значит, все правда.

Слезы подступают резко, горячо, почти обжигающе. Я все

еще стою на месте, пытаюсь удержаться, но сил не хватает. До дивана несколько шагов, и они почему-то оказываются сложнее, чем весь путь до этого дома.

Он не двигается навстречу.

Не тянет за руку.

Не уговаривает.

Просто ждет.

Наверное, именно это и добивает.

Я подхожу сама.

Как к единственной твердой точке в комнате, которая не плывет перед глазами. Колени упираются в край дивана, дальше будто уже нет решения лучше. Лоб касается его плеча, и только тогда все, что держалось последние часы, наконец рвется.

Плачу зло, неровно, почти беззвучно. Пальцы вцепляются в ткань его футболки. Стыдно. Унизительно. Но отстраниться нет сил.

Он по-прежнему молчит.

Лишь спустя несколько секунд ладонь медленно ложится мне на затылок. Не гладит поначалу. Просто держит. Тяжелая, теплая, слишком уверенная. Потом пальцы начинают перебирать мокрые пряди, осторожно распутывая их у шеи.

Дыхание сбивается еще сильнее.

От этой медленности. От того, что он не торопит и не утешает, а будто принимает мою слабость как что-то уже принадлежащее ему.

Лицо все еще спрятано у него на плече, когда его губы касаются виска.

Легко.

Почти невесомо.

Я дергаюсь не от страха — от неожиданности. Но не отстраняюсь.

Следующий поцелуй приходится в край скулы. Потом чуть ниже. Его рука все так же в волосах, вторая ложится на талию и остается там, не сжимая, не притягивая к себе, просто напоминая о присутствии.

— Посмотри на меня, — тихо говорит он.

Голова поднимается не сразу.

Глаза, наверное, красные. Нос заложен. Вид жалкий. Все это должно было бы остановить кого угодно. Только не его.

Взгляд у него темный, собранный. Без насмешки. Без жалости. И от этого по коже проходит новая волна дрожи.

— Видишь, — произносит он негромко, касаясь большим пальцем мокрой щеки. — Уже не споришь.

Слова должны бы разозлить. И злят. Но не настолько, чтобы оттолкнуть его.

Губы касаются моих осторожно. Не как в клубе. Не жестко, не напористо. Будто он дает последнюю возможность вернуться.

Не получается.

Слишком устала, напугана. Чересчур долго держалась на одном упрямстве.

Поцелуй становится глубже через несколько секунд. Медленно. Терпеливо. Пальцы на талии смещаются чуть выше, под ткань влажной блузки. Кожа под ними вспыхивает мгновенно.

Тело откликается раньше головы.

И это вызывает почти панику.

Ладонь упирается ему в грудь — не чтобы оттолкнуть, скорее чтобы удержать расстояние, которого уже нет. Он чувствует это и слегка отстраняется, оставляя между нами тонкую полоску воздуха.

— Если выйдешь отсюда, — говорит тихо, почти в губы, — до утра не доживешь.

Живот скручивает.

Смотрю на него и впервые по-настоящему понимаю: он не запугивает. Просто сообщает.

— Значит, я здесь пленница? — шепчу.

На его лице появляется что-то похожее на усмешку.

— Называй как хочешь.

Пальцы снова скользят по моей талии. Медленно, лениво, так, будто тело уже выбрало за меня все, что рот еще пытается отрицать.

— Но сегодня ты остаешься здесь.

Комната кажется слишком теплой. Воздух — густым. Сердце снова начинает биться где-то в горле, и уже не понять, что в этом больше: страха или того другого, постыдного и ненужного, что просыпается рядом с ним каждый раз,

когда стоило бы бежать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.